

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I

Н.С. Киняпина

Киняпина Нина Степановна - доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ

Интерес к историческим личностям - императорам, полководцам, политикам - был всегда. Но в советское время историков привлекали прежде всего деятели революционного движения, боровшиеся с самодержавием и его правительствами. О царях, королях, императорах отзывались, в основном, лишь негативно. В последние годы этот перекося преодолевается: появились статьи, книги, подробно анализирующие воспитание, образование, взаимоотношения в семье, формирование характера, личность российских самодержцев [1]. Однако их внешнеполитическая деятельность не привлекала столь пристального внимания, хотя известно, что в этой области правители России показали себя умелыми дипломатами, чувствовавшими время. Автор предлагает читателям исследование взглядов и внешнеполитической деятельности императора Николая I, годы правления которого (1825-1855) считаются апогеем самодержавия, высказывая свою точку зрения по ряду спорных вопросов, связанных, в частности, с истоками Крымской войны и российско-английскими договоренностями по Восточному вопросу. Материал статьи базируется на широком круге источников, часть которых находится в различных фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Николай I, третий сын императора Павла, был волевым, умным, уверенным в своих действиях правителем. Он не был похож на своего старшего брата Александра I, которому были свойственны колебания во взглядах и поступках. Категоричный в своих суждениях Николай I был самодержцем в семье, обществе, политике. *"Никто лучше, как он, не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. ...Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности ее"*, - замечала хорошо знавшая императорский двор, наблюдательная А.Ф. Тютчева, дочь поэта и дипломата Ф.И. Тютчева [2]

Императора не любила интеллигенция, а также часть офицерства. Последнее особенно беспокоило Николая I, так как еще с детства он проявлял исключительный интерес к армии, а из всех наук выделял военные знания, чему способствовала как система воспитания, в которой физические наказания были обычным явлением, так и военизация государственной власти, характерная в целом для Европы того времени. *"Суровость обращения, - замечал историк Н.К. Шильдер, - стала характером жизни Николая I"* [3]. Усилия вдовствующей императрицы Марии Федоровны изменить систему обучения младших сыновей - Николая и Михаила - успеха не имели: латынь Николай отвергал, французский - не любил, хотя владел им превосходно, а немецкий - *"довольно правился"*

Николаю Павловичу" [4]. В отличие от старшего брата не проявлял он склонности и к гуманитарным наукам. В людях будущий самодержец ценил прежде всего прагматизм и верность слову.

Несхожесть характеров и взглядов братьев сказывалась на подходах к решению задач внутренней и внешней политики России: Александр I был европейцем; некоторые историки называли его космополитом, считая, что эту особенность мышления привили будущему императору его воспитатели, не знавшие России и внушившие ему идеи конституционного устройства государства [5]. Бытовало мнение, что Александр приносил в жертву интересы своей страны ради интересов Европы. Российский историк М. Полиевктов, написавший лучшую, как представляется, биографию Николая I, отмечал, в частности, различия в восприятии братьями всего окружающего: *"Александр I нередко заискивал перед иностранцами... относился с явной нелюбовью ко всему русскому, а великие князья (Николай и Михаил. - **Н.К.**) восхищались всем тем, что есть русского"* [6].

Само время, в котором жил Александр, требовало особого внимания к европейской политике: борьба с наполеоновским нашествием, участие в создании Венской системы, утвердившей ведущую роль России и Англии в Европе, инициатива императора в организации Священного Союза и его конгрессов. Решение этих задач обуславливало привлечение людей европейски образованных, широко мыслящих.

Николай I считал себя защитником прежде всего национальных интересов страны, хотя не отказывался от участия в делах Западной Европы. Он отстаивал принципы абсолютной монархии, отвергал конституционализм и свободу личности, настороженно относился к либеральным идеям, стоял за незыблемость территориальных границ в Европе, утвержденных решениями Венского конгресса, более всего заботясь о спокойствии собственного государства.

Одним из первых российских правителей Николай понял евразийское положение России, что заставляло его обратить особое внимание на расширение связей с государствами Азии. В этом он усматривал один из путей утверждения России как промышленной державы.

Он стремился, особенно в первые годы своего правления, поднять экономический потенциал России путем создания отечественных кадров квалифицированных рабочих и технической интеллигенции. В 20-30-е годы XIX в., преимущественно для детей третьего сословия, были открыты Технологический институт в Петербурге, Ремесленное училище в Москве (ныне Московский государственный технический университет им. Н. Баумана), возросло число коммерческих школ, стали проводиться промышленные и сельскохозяйственные выставки, были созданы Мануфактурный и Коммерческий советы, издавались "Коммерческая газета", "Журнал мануфактур и торговли", в Европу за государственный счет направлялись мануфактурные агенты, в задачу которых входило знакомство с техническими нововведениями и передача этих сведений русским предпринимателям. Эти меры, призванные оздоровить экономику, должны были также ослабить экономическую зависимость России от государств Запада. Понимал император и неизбежность отмены крепостного права, о чем свидетельствует организация девяти секретных комитетов по крестьянскому вопросу только в его царствование.

К 20-30-м годам XIX в. относятся и мероприятия, направленные на вовлечение окраин государства в общероссийские процессы. Прежде всего это касалось Кавказа, находившегося на пересечении путей из Европы в Азию. Правительство всячески поощряло мещан и крестьян, торговавших с окраинами России и с азиатскими странами,

предоставляя им права купцов третьей гильдии, содействовало организации русско-закавказских торговых обществ. Наряду с этими действиями петербургский кабинет готовил административные реформы для населения Кавказа, которые также должны были сблизить эту окраину с метрополией, что было особенно важно в годы Кавказской войны.

Сторонник стабильности, Николай I не считал самоцелью расширение территории России. *"Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее областей отныне должна быть твоя забота"*, - увещевал император своего наследника в 1835 г. [7]

Правительственные меры 20-30-х годов, помимо решения внутренних задач страны, отвечали требованиям международной обстановки: новое обострение ситуации на Ближнем и Среднем Востоке привело к войнам с Турцией и Ираном; осложнениям в Западной Европе.

РОССИЯ И ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 20-х ГОДОВ XIX в.

Восточный вопрос на протяжении XIX - начала XX в. был центральным во внешней политике России. Из множества его проблем ключевыми были Балканы и Проливы.

Османская империя в XIX в. собственными силами уже не могла удержать разнохарактерные по уровню экономики, культуры, религии народы, ранее ею завоеванные. Национальные и сепаратистские движения раздирали государство. Начавшееся в 1821 г. греческое восстание, привлекло внимание всей Европы. Усилия, предпринятые российским императором Александром I совместно с западными странами для стабилизации обстановки на Балканах, не дали положительных результатов. Более того, Турция начала вводить санкции против России: не пропускала через Проливы российские торговые суда, арестовывала российских купцов и моряков, нарушая этим условия прежних русско-турецких соглашений. Вероятность новой русско-турецкой войны к середине 20-х годов становилась все очевидней. Греки не скрывали, что, начиная восстание, они рассчитывали на помощь единоверной России: согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Россия обладала исключительным правом покровительства православным подданным султана.

Исчерпав дипломатические пути, Россия начала готовиться к войне, подтягивая войска к турецкой границе. Александр I осенью 1825 г. отправился на юг для знакомства с обстановкой. Действия России обеспокоили западные государства, прежде всего Великобританию. Английское правительство, опасаясь единоличного вмешательства России в греко-турецкую борьбу, предложило императору заключить двустороннее русско-английское соглашение по восточному вопросу. Предложение Лондона нашло понимание в Петербурге. Вступая в сотрудничество с Англией, Россия в случае русско-турецкой войны надеялась нейтрализовать направленные против нее действия Великобритании. *"Было бы с нашей стороны поистине неразумно отталкивать Англию"* [8], - сообщал в Лондон позицию российского правительства на английское предложение министр иностранных дел К.В. Нессельроде, верно служивший государю, но сохранявший свой взгляд на внешнюю политику России. Внезапная смерть Александра I поломала эти проекты.

Николай I со свойственной ему решительностью приступил к реализации подготовки войны с Турцией. В дальнейшем, на протяжении 30-летнего правления, он доказал справедливость сказанных им французскому послу Сен-При в начале своего царствования слов: *"Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное"*

дело... Не следует думать, что я примусь за его разрешение очертя голову... Я очень рад буду условиться со всеми моими союзниками" [9].

Николая не знали в Европе, и поэтому считали новичком в политике, а он не спешил опровергнуть это мнение дипломатов о себе. *"Я простой бригадный генерал, мало сведущий во внешнеполитических делах, если что напутаю, прошу, не взыщите"*, - говорил он не без иронии австрийскому канцлеру К. Меттерниху, влиятельному европейскому дипломату. Николай довольно быстро освоился во внешней политике, и она стала одним из любимых его занятий. Европа стала смотреть на него другими глазами.

В феврале 1826 г. в Петербург под предлогом передать поздравления от английского короля Георга IV новому императору с вступлением на престол приехал фельдмаршал А.У. Веллингтон для ведения деловых переговоров. Однако его предложение о посредничестве Великобритании в русско-турецком конфликте было отвергнуто Николаем, заявившем, что русско-турецкие отношения Россия решит путем непосредственных переговоров двух заинтересованных держав. По греческому вопросу император готов был вести переговоры с Англией. В итоге 23 марта (4 апреля) 1826 г. в Петербурге между Россией и Великобританией был подписан протокол, по которому обе державы предлагали Турции признать Грецию автономным государством. По третьему параграфу протокола, особенно важному для России, примирение между Турцией и греками могло совершиться при *"общем или единоличном"* участии сторон" [10], что позволяло России единолично выступить против Османской империи и не иметь Англию в стане противников.

Петербургский протокол стал первой внешнеполитической удачей Николая I. Этот успех сулил многое в его дальнейших внешнеполитических действиях на Ближнем Востоке. Надежда на новые договоренности с Англией, даже при изменившейся международной ситуации, была одной из составляющих стратегии Николая I.

Вскоре после подписания петербургского протокола союзники предложили другим европейским государствам присоединиться к российско- английскому соглашению. Державы медлили с ответом. Бездействие Европы подстегнуло греков в их борьбе за независимость. В апреле 1827 г. президентом страны был избран И. Каподистрия, бывший статс-секретарь по иностранным делам России. Греки в очередной раз продемонстрировали всем, что верят в помощь России. Рост авторитета России, действия повстанцев заставили Францию отказаться от позиции стороннего наблюдателя и присоединиться к участникам петербургского протокола.

24 июня (6 июля) 1827 г. в Лондоне между Россией, Великобританией и Францией был подписан договор, закрепивший основные условия соглашения, достигнутого в Петербурге. В документе повторялась важная для России статья петербургского протокола о возможности примирения между Турцией и греками при *"общем или единоличном"* участии договаривающихся сторон. Лондонский договор позволял России в случае войны с Турцией избежать враждебных выступлений не только со стороны Великобритании, но и Франции. Это соглашение не позволяло Англии как союзнице России открыто оказывать поддержку действиям Турции на Кавказе, где продолжалась война.

Современники оценивали подписанные Россией и Великобританией соглашения по греческому вопросу как поражение английской дипломатии. Меттерних, умный, авторитетный и хитрый политик, заметил: *"Цель Веллингтона сводилась к тому, чтобы надеть дипломатическую узду на державу, которая ей (Англии. - **Н.К.**) была опасна. Он*

льстил себя надеждой, что ему удастся воспрепятствовать свободе действий России. Он слишком поздно понял, что приготовил тяжёлые цепи для Англии и действовал исключительно в пользу России" [11].

Подписание договоров отрезвляюще подействовало на Турцию. Султан был вынужден принять условия России и заключить с нею 25 сентября (7 октября) 1826 г. конвенцию в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский), по которой турецкое правительство брало на себя обязательство впредь следовать нарушенным им в ходе греко-турецкой войны договоренностям с соседом.

Опираясь на поддержку Египта и используя разногласия европейских держав, султан отказался удовлетворить просьбу союзников признать за греками право на автономию. Тогда объединенные эскадры России, Англии и Франции блокировали турецко-египетский флот в бухте Наварин [12]. Там 8(20) октября 1827 г. произошло сражение, в результате которого весь турецко-египетский флот, находившийся в бухте, был разбит, что значительно подорвало мощь Турции.

Наваринское сражение получило разную оценку в Европе. Николай I считал его естественным последствием лондонского договора. Греки видели в нем показатель слабости Османской империи и близость своего освобождения. В Лондоне, Париже и Вене сочли, что поражение Турции в сражении сделало ее беззащитной против России [13].

Усилившиеся после Наварина противоречия между союзниками дали повод султану не только не принять условия лондонского договора, но и отказаться вести переговоры на его основе, что привело к разрыву дипломатических отношений европейских держав с Турцией. В декабре 1827 г. Махмуд II обратился к мусульманам с манифестом, в котором обвинил Россию в подстрекательстве греков к восстанию и отказался выполнять условия Аккерманской конвенции. В документе преднамеренно отсутствовало упоминание об антитурецких действиях англичан и французов, что должно было углубить разногласия в союзном лагере.

Николай I знал и об интригах султана, и о настроении своих союзников. Но в преддверии русско-турецкой войны он был заинтересован сохранить хотя бы видимость единства. В ответ на манифест султана Николай предложил Англии и Франции провести блокаду союзной эскадрой Проливов и оккупацию русскими войсками от имени трех держав Дунайских княжеств. Союзники, как и следовало ожидать, отвергли эти предложения. Николай I, воспользовавшись ситуацией, стал действовать единолично. Император официально заявил о нарушении султаном Аккерманской конвенции. *"Мореплавание по Черному морю нарушено, - излагал Нессельроде мысли Николая I в ежегодном отчете МИД, - торговля потеряла все свои привилегии в Оттоманской империи... Манифест Махмуда является настоящей декларацией войны. Ни одна держава не смогла бы потребовать от нас, чтобы мы остались в подобном положении"* [14]. В этих словах звучала уверенность Николая I в правоте действий и понимание путей реализации своего плана.

Но его осуществление тормозилось другой войной на Востоке - русско-иранской, начавшейся в июле 1826 г. За событиями на Среднем Востоке внимательно следили западноевропейские державы, прежде всего Великобритания, не упускавшая случая оказать помощь Ирану в войне с Россией. В составе иранской армии воевала часть горского населения Кавказа. В этой сложной обстановке, когда союзники по лондонской коалиции были близки к выходу из нее, а кавказская война была далека от завершения,

Николай I требовал от своего командования решительных действий против Ирана. *"С Вашим намерением вести войну против персиян оборонительную не согласен и приказываю вести только наступательную войну против персиян, истребляя их разрозненно"* [15], - писал император главнокомандующему на Кавказе генералу А.П. Ермолову, самостоятельность суждений и независимость взглядов которого раздражали Николая I, он не доверял ему. Вскоре Ермолов был заменен преданным императору генералом И.Ф. Паскевичем, завершившим русско-иранскую войну.

В феврале 1828 г. в деревне Туркманчай, недалеко от Тебриза, был подписан русско-иранский договор, в подготовке которого принимал активное участие А.С. Грибоедов как политический советник при И.Ф. Паскевиче. Согласно договору шах отказывался от притязаний на Восточную Армению: к России переходили Эриванское и Нахичеванское ханства, граница между двумя государствами устанавливалась по реке Араке. Иран обязывался выплатить России контрибуцию в размере 20 млн. рублей; Каспийское море было открыто как для русских, так и иранских торговых судов. Подтверждалось исключительное право России держать на Каспийском море военный флот.

Успешное окончание русско-иранской войны позволило Николаю I решить военными средствами конфликт с Турцией, поставив об этом в известность союзников. В сообщении, переданном в Лондон и Париж, отмечалось, что Россия *"не стремится к разрушению Турции и готова... вместе с ними изыскивать средства для исполнения положений Лондонского трактата"* [16]. Объявление Россией войны Турции 14(26) апреля 1828 г. было встречено Англией и Францией внешне спокойно. Пруссия признала законность действий России. Австрия заявила о своем нейтралитете.

Николай I, начиная войну, не ставил перед собой задачи разделить Турцию и захватить Проливы, так как понимал, что такое решение неизбежно приведет к столкновению с Западной Европой. *"Его Императорское Величество считает, -* сообщал К.В. Нессельроде командующему русской армией на Балканах генералу И.И. Дибичу, *- что положение вещей, существующих в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом"*. Уточняя решение императора, министр писал: *"Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать"* [17].

Трезвая оценка международной ситуации позволила Николаю I избежать создания антироссийской коалиции, которую подогревала Австрия, не участвовавшая в подписании лондонского договора. *"Чувства недоверия к нам не исчезли, -* писал в Петербург из Лондона российский посол Х.А. Ливен, *- раны ее (Англии. - Н.К.) самолюбия еще не зарубцевались, и, движимая как честолюбием, так и коварными интригами Австрии, она может еще занять враждебную нам позицию, если представится к тому удобный случай"* [18].

Военные успехи России на Кавказе, стремительный переход русской армии через Балканы и ее движение к Константинополю отрезвляюще действовали на турецкое правительство. Султан, ранее медливший с переговорами, в августе 1829 г. направил в российскую ставку в Адрианополь своих представителей.

Одновременно с переговорами в Адрианополе в Петербурге проводились заседания Особого Комитета по восточному вопросу, на которых присутствовал Николай. Участники совещания подтвердили принятое еще в 1802 г. правительственное решение о том, что *"выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды"*. Если же *"наступит последний час турецкого владычества в Европе"*, то

российское правительство готово обсудить Восточный вопрос на конференции великих держав, не упуская, однако, инициативы из собственных рук [19].

Это решение Особого Комитета 1829 г. стало программой дальнейших действий Николая I на Ближнем Востоке, в первую очередь в Европейской Турции, продиктованных заботой императора о сохранении стабильности, незыблемости границ России и соседних стран. В ходе русско-турецкой войны Николай I лишь в качестве устрашающей султана меры предлагал Дибичу, занявшему Адрианополь, пойти на вооружение болгар, а сербам дать сигнал к действию, но советовал повременить с этим [20]. Он считал предпочтительным для России сохранять мир с Турцией, нежели активно поддерживать восстания христиан против султана. Суждения и действия" императора в Восточном вопросе были противоречивы. Многократно заявляя о поддержании целостности Османской империи и прилагая усилия к этому, Николай тем не менее не верил в ее прочность и искал союзников, на случай ее естественного распада.

Переговоры в Адрианополе были нелегкими. На турецкую делегацию оказывали сильное давление государства Запада, особенно Англия, пытавшаяся выступить в роли посредника. Это касалось территориальных компенсаций России на Кавказе, статуса и границ Греции и др. Обстоятельный анализ переговоров и условий мира содержится во многих работах российских авторов [21], Здесь следует упомянуть корректную и умелую позицию, занятую на переговорах представителями императора - А.Ф. Орловым и Ф.П. Паленом, а также И.И. Дибичем, присутствовавшим в Адрианополе. Их усилиями, подкреплёнными военными победами: русская армия стояла у стен Константинополя, - удалось отстоять основные условия, предложенные Россией.

Договор в Адрианополе, подписанный 2(14) сентября 1829 г., включал 16 статей. Согласно его условиям к России отходили: устья Дуная с островами, восточное побережье Черного моря с Анапой, Поты, а также районы Ахалцыха и Ахалкалаки. Турция признавала владения России в Закавказье: *"Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и многие другие области закавказские, с давних уже лет присоединенные на вечные времена к Российской империи"* [22].

Россия возвратила Турции крепости, города и селения, занятые ее войсками в европейской части страны. Подтверждалось право подданных России на торговлю по всей территории Османской империи и их неподсудность турецким властям. Проход торговых судов через Босфор и Дарданеллы признавался свободным для всех держав, находившихся в мирных отношениях с Турцией. Условия Адрианопольского мира были выгодны и балканским народам, прежде всего Греции, она получала широкую автономию. В следующем году, в феврале 1830 г., конференция великих держав в Лондоне признала Грецию независимым государством. Турция подтвердила все права и привилегии, полученные ранее дунайскими княжествами, включая пожизненное избрание господарей и создание земского войска. Сербии, помимо сохранения автономии, возвращались шесть округов, ранее отторгнутых у нее Турцией.

Адрианопольский мир стал крупной победой России. Он укрепил ее позиции в Турции, на Балканах и Кавказе, способствовал расширению черноморской торговли, экономическому и культурному развитию балканских и кавказских народов. Договор завершил длительный процесс присоединения народов Кавказа к России.

Английский историк М. Андерсен высказал мысль, что в русско-турецких отношениях кавказская проблема значила больше, чем балканская. Российский кавказовед В.В. Дегоев, соглашаясь со справедливостью этого суждения, посчитал возможным отнести его не

только к отношениям России с Турцией, но и государствами Западной Европы, прежде всего с Англией [23]. Не вполне разделяя этот взгляд, автор статьи считает, что кавказская проблема в политике России XIX в. заслуживает дальнейших исследований.

Успехи России на Ближнем Востоке, закрепленные договором в Адрианополе, всполошили европейские правительства. *"Оттоманская империя, - записал канцлер Австрии, - поколеблена в своей основе. Она прекратила свое независимое существование"* [24]. Англия пошла еще дальше: она потребовала пересмотра условий Адрианопольского мира, считая, что Россия нарушила европейское равновесие. Но Николай I отказался обсуждать этот вопрос с Англией.

Заключением Адрианопольского договора завершился восточный кризис 20-х годов XIX в. Россия стала самым влиятельным европейским государством на Ближнем Востоке. Это вынуждало султана стремиться к поддержанию лояльных отношений со своим северным соседом, что на некоторое время способствовало установлению мира на Ближнем Востоке.

РЕВОЛЮЦИИ 1830 Г. И НИКОЛАЙ I

Успешное завершение Россией войн с Ираном и Турцией позволили Николаю I активно включиться в решение европейских дел, тем более, что к 30-м годам XIX в. Венская система, призванная поддерживать равновесие в Европе, стала давать сбои.

Страной, вызвавшей новое обострение ситуации, явилась Франция, где в июльские дни 1830 г. парижане свергли короля Карла X из династии Бурбонов, избрав в августе правителем государства Луи Филиппа Орлеанского, отец которого, будучи депутатом Конвента, голосовал за казнь Людовика XVI.

Николай I враждебно воспринял события во Франции. Однако он не спешил бросать русскую армию на спасение династии Бурбонов. *"Зло непоправимо, - писал он своему брату великому князю Константину, наместнику в Польше, в августе 1830 г., - мы не можем и не должны его исправлять. Наша обязанность, - думать о своей I безопасности. Когда я говорю "наша", - я подразумеваю спокойствие Европы"* [25].

Такая выжидательная позиция России объяснялась действиями самого "короля-буржуа" - Луи Филиппа. Он делал все, чтобы успокоить европейских правителей: не отказывался от выполнения трактатов 1815 г., не преследовал своих противников, пытался стабилизировать обстановку внутри страны. Эта тактика нового правителя побудила Николая I заметить: *"Пока революция ограничивается пределами Франции - моя оппозиция происходящему там перевороту будет только моральной"* [26].

События во Франции прервали наметившееся после Венского конгресса 1815 г. франко-русское сближение. Франция Луи Филиппа, низложившая династию Бурбонов, законность которой утвердил Венский конгресс, при всех заверениях нового короля соблюдать его решения представляла, по мысли Николая I, опасность для европейских монархов. В этих условиях петербургский кабинет обратился к испытанному союзу с Австрией и Пруссией, для которых революция, ломавшая старые уклады и традиции, представляла не меньшую, чем для России, угрозу. *"Старая Европа находится при начале конца, - сокрушенно замечал канцлер Австрийской империи Меттерних. - С другой стороны, новая Европа еще не начала своего существования. Между концом и началом будет хаос"* [27].

Габсбургская империя, вобравшая в себя разные по экономике, культуре, языку, религии народы Европы, более других стран опасалась революции. Австрийский канцлер в июльские дни 1830 г. взял на себя инициативу по созданию союза монархических держав. В августе 1830 г. он приехал в Карлсбад (Карповы Вары), где } на лечении находился Нессельроде. В результате переговоров был выработан общий план действий, по которому оба государства согласились не вмешиваться во внутренние дела Франции, если правительство Луи Филиппа будет нейтрально в отношении других государств. Это соглашение в истории получило название "Карлсбадского лоскута", к нему вскоре присоединилась Пруссия. В литературе это соглашение оценивается как попытка закрепить контрреволюционный союз трех держав [28]. Однако такая оценка является преувеличением. Державы, его подписавшие, не были склонны воевать с Францией. Вслед за Англией, первой признавшей Луи Филиппа королем Франции в сентябре 1830 г., Австрия и Пруссия последовали ее примеру, рассчитывая таким путем стабилизировать обстановку в Европе.

Последним из союзных правителей признал Луи Филиппа Николай I, предупредив при этом: *"Но император хочет заметить державам, что как бы такое признание не привело к опасным последствиям. Не следует терять из виду, что, сделав эту уступку революционному духу, может быть, нужно будет сделать ему новые уступки"* [29]. Дальнейшие события подтвердили опасения Николая I.

Под впечатлением июльской революции во Франции вспыхнули волнения в германских государствах, Италии. Но самыми интенсивными были события в Бельгии в августе 1830 г. Бельгийцы, по акту Венского конгресса вошедшие в состав Нидерландского государства, изгнали из Брюсселя голландского короля Вильгельма Оранского и сформировали временное правительство.

Николай I восстание в Бельгии расценил как прямое покушение на европейский порядок и Венскую систему. Император предложил конкретную программу правительствам Австрии и Пруссии по объединению усилий для борьбы с революцией. Однако ни одна из трех держав не имела отобранной армии, да и их планы были далеки от единства: Австрию больше, чем бельгийские события, занимали волнения в Италии, Пруссию - территориальные претензии Франции на Рейнские провинции. Лондон и Париж провозгласили принцип невмешательства во внутренние дела Бельгии. Но Николай I не отказался от подготовки российской армии к вторжению в пределы Нидерландского государства, о чем просил европейские правительства голландский король. В письме к великому князю Константину в октябре 1830 г. император России предлагал брату, главнокомандующему русской идольской армиями, начать мобилизацию, но просил делать это осторожно, *"не вызывая подозрений как у противников, так и у союзников"* [30].

Революция в Бельгии осложнила положение французского правительства, еще не признанного к тому времени Европой. В этих условиях Луи Филипп, думая о поддержании своего престижа во Франции и Бельгии, проявил не свойственную ему активность. Он предложил созвать конференцию европейских держав для обсуждения бельгийского вопроса, что встретило поддержку у всех правительств, включая и российское.

Конференция, открывшаяся в Лондоне в начале ноября 1830 г. с участием представителей пяти ведущих держав Европы - Англии, Франции, Пруссии, России и Австрии, первым делом приняла решение о заключении между воюющими сторонами -Временным правительством Бельгии и нидерландским королем - перемирия. Восставшие расценили

это решение как признание Европой нового бельгийского правительства, и в середине ноября 1830 г. национальный конгресс Бельгии провозгласил независимость страны.

Действия бельгийцев укрепили Николая I и его союзников в намерении силой оружия защищать легитимные права нидерландского короля. Российский император отдал приказ о приведении в боевую готовность воинских частей, находившихся в у западных губерниях Польши; Пруссия сосредоточила свои силы вдоль Рейна, Австрия - у границ Швейцарии и Италии. Вопрос о войне был, по существу, решен.

Польское восстание, начавшееся в Варшаве в конце ноября 1830 г., изменило планы Петербурга, заставило российское правительство, а с ним Пруссию и Австрию, сосредоточить свои усилия на его подавлении. Опасность вторжения царских и союзных войск на территорию Бельгии была устранена.

В дальнейшем бельгийский вопрос решался практически без участия России. Лондонская конференция, собравшаяся в ходе польского восстания в декабре 1830 г., признала независимость Бельгии, а в январе 1831 г. приняла решение о нейтралитете Бельгии, неприкосновенности ее территории. Хотя голландский король не признал законность этих решений, его протест не был услышан правителями Европы, включая и российского императора.

Польский вопрос в политике России был одним из сложных и запутанных. Связанный с борьбой Запада и Востока, латинства и православия, он осложнялся территориальными спорами из-за западных русских земель, вошедших в состав Польши по Люблинской унии 1569 г. и перешедших к России по разделам Польши. Иными словами, польский вопрос далеко выходил за рамки чисто национальной проблемы и этим вызывал особую обеспокоенность Николая I. Император опасался вмешательства Европы, тем более что действия восставших делали такую угрозу реальной. Стремясь к завоеванию независимости и расширению своей территории, поляки просили помощи у западных правительств. Конфликтные ситуации в Европе всегда рассматривались поляками как удобный повод для выступления против царизма. Кроме того, передвижение российских войск к западной границе и начавшаяся мобилизация польской армии весьма накалили обстановку.

Размах восстания вынудил Константина Павловича покинуть Варшаву и отказаться от вооруженной борьбы с повстанцами. Управление краем перешло к административному совету, а затем к Временному правительству, возглавляемому Адамом Чарто-рыйским, бывшим управляющим Министерством иностранных дел при Александре I.

Николай I увидел в восстании следствие июльских событий, опасное не только для России, но и для Австрии и Пруссии, также владевших польскими землями. Его обращение к Вене и Берлину с предложением о совместных действиях встретило понимание и поддержку.

В декабре 1830 г. Николай I опубликовал прокламацию к войскам и народу Польши с призывом к повиновению и манифест с требованием безусловной покорности. Австрия и Пруссия приветствовали эти действия царя. *"Справедливость дела, которое Его императорское величество призвано защищать, очевидна, - заявил Меттерних. - Польское королевство, как только оно было создано, расценивалось нами как пороховой погреб. Огонь должен был проникнуть туда в тот или иной день"* [31]. Австрийское правительство для защиты интересов своей империи перебросило в Галицию дополнительные военные контингенты, запретило проезд в Польшу через Австрию

частных лиц без специальной визы российского посла в Вене. Столь же действенной была помощь Николаю I со стороны Пруссии, правительство которой направило в Познань воинские подкрепления, запретило контакты населения Пруссии с поляками, проживавшими в стране.

Восставшие не имели четко выработанной программы. Главное их требование - восстановление территории Польши в границах 1772 г. - вызывало неприятие даже у либеральной части российского общества. Не оправдались надежды поляков на поддержку Франции и Англии. Правительства этих стран, словесно желая успеха восставшим, реальной помощи им не оказали: ни Париж, ни Лондон не хотели воевать с Россией. Британский и французский кабинеты предписывали своим послам в Петербурге *"сохранять самую большую осторожность по отношению ко всему, что касается Польши"* [32].

Однако западноевропейская общественность не разделяла пассивную позицию своих правительств, требуя вмешательства в конфликт. Сочувствие Запада усилило решимость поляков продолжать борьбу. В январе 1831 г. польский сейм принял декрет о лишении Николая I прав на польскую корону. В эти дни был выдвинут лозунг, обращенный прежде всего к россиянам: "За вашу и нашу свободу", автором которого большинство исследователей считают активного участника польского восстания историка Иоахима Лелевеля [33].

Акт о детронизации явился кульминацией восстания, уничтожившего конституцию 1815 г. Движение приобрело новый характер: началась русско-польская война. В феврале 1831 г. в Польшу вступила российская армия под командованием И.И. Дибича, численностью более 100 тыс. человек. Польские войска составляли лишь половину от российских. Военные соединения из Франции и Бельгии, на которые рассчитывали повстанцы, так и не подошли.

После смерти Дибича новый командующий российской армией Паскевич, которому царь поручал самые ответственные дела, потребовал от польского командования сдачи Варшавы и отвода польской армии в Полоцк. Сейм отверг эти условия. 6 сентября 1831 г. российские войска овладели Варшавой. Командующий польской армией генерал Круковецкий подписал условия капитуляции, по которым восставшие обязывались принести присягу на верность императору России, а польская армия покидала свою столицу.

Подавив восстание, Николай I пошел на дальнейшие ограничения автономии Польши. В феврале 1832 г. он издал "Манифест о новом порядке управления и образования Царства Польского", так называемый Органический статут, согласно которому Польша объявлялась *"неотъемлемой частью России, а польская корона объявлялась наследственной в русском императорском доме"*. Управление Царством Польским поручалось административному совету с наместником императора во главе. Польский язык сохранялся в суде, делопроизводстве и школе. Но Органический статут носил скорее декларативный, чем законодательный характер. Он предназначался в немалой степени для успокоения западноевропейской либеральной общественности. Царство Польское при некоторой его обособленности превратилось в одну из провинций России.

Однако эта победа Николая I не укрепила его международного положения: она отодвинула Россию от общеевропейского решения бельгийского вопроса, вызвала еще большие расхождения с Францией. Но у Николая I сохранилась надежда на сближение с Англией. *"Не нужно терять связи с Британским правительством"*, - передавал послу

России в Лондоне мысли Николая I Нессельроде [34]. Расчеты императора строились на его уверенности в дальнейшем углублении англо-французских разногласий в колониальном и европейском вопросах. Англия с ее внутренней стабильностью, это состояние особенно ценил Николай I, высоким экономическим потенциалом представлялась императору заманчивым союзником.

Незамедлительно реализовать план в отношении Англии Николаю I не позволили новые осложнения на Ближнем Востоке, активными участниками которых, помимо Турции и ее подданных, были европейские страны.

Победа России в русско-турецкой войне, ослабление влияния Турции на Балканах повлияли на политику Порты и западноевропейских правительств. Последние, стремясь потеснить Россию на Ближнем Востоке, усугубили финансовую и торговую зависимость экономики Турции, что полностью подчинило ее политику интересам Западной Европы. Многие государственные деятели Османской империи не без помощи Запада стремились к модернизации страны, проведению реформ, способных укрепить внутреннее положение государства [35]. В самой Турции положение осложнялось ростом сепаратистских тенденций в ее владениях. Одно из таких крупных движений возглавлял губернатор Египта Мухаммед Али. Он создал сильную, обученную по европейскому образцу армию и флот, при помощи которых значительно расширил пределы подвластной ему территории. В годы борьбы Греции за независимость правитель Египта выступал на стороне султана, получив за эту помощь его согласие на присоединение к Египту Сирии.

Махмуд II не сдержал обещания. Мухаммед Али использовал это как повод к выступлению против Турции. В 1832 г. египетская армия под командованием сына Мухаммеда Али-Ибрахима, разбив турецкие войска, угрожала Константинополю. Турецко-египетский конфликт, как это бывало и ранее, из внутренней проблемы превратился в международную. Решался вопрос о существовании Турции как самостоятельного государства и, следовательно, об изменении ситуации на Ближнем Востоке. Султан обратился за помощью к европейским правительствам. Англия, хотя и не желала распада Турции, реальной помощи султану не оказала, ограничившись выражением сочувствия.

Франция, чье влияние в Египте было наиболее прочным, предложила свое посредничество в конфликте. Наиболее определенную позицию занял Николай I. Он уведомил султана о принятом им решении немедленно отозвать из Александрии (резиденции Мухаммеда Али) русского консула и всех проживавших в Египте русских подданных, что с благодарностью было встречено Портой [36]. Заинтересованная в сохранении целостности Османской империи Россия была готова оказать военную помощь Турции, но только после ее обращения с этой просьбой к императору.

В ноябре 1832 г. в Константинополь и Александрию по личному поручению императора был направлен генерал Н.Н. Муравьев, хорошо знакомый с Востоком, владевший турецким языком. Он должен был убедить султана в дружественном отношении России к Турции, а Мухаммеда Али склонить к перемирию. *"Помни же, - поучал Николай I Муравьева, - как можно более вселять турецкому султану доверенности, а египетскому паше - страху"* [37].

Послы Англии и Франции в Константинополе пытались убедить султана во враждебных намерениях России, но, выполняя инструкции своих правительств, по-прежнему отказывали ему в материальной помощи. Между тем египетская армия в конце декабря 1832 г., разгромив турецкую армию при Конье, двигалась к Константинополю. В феврале

1833 г. султан официально обратился к российскому послу А.П. Бутеневу с просьбой направить черноморскую эскадру и сухопутные войска на помощь Турции [38].

Общепринятая точка зрения в исторической литературе, что Россия навязала Турции свою помощь и тем поставила ее в зависимое от себя положение, нуждается в коррекции [39]. Очевидно, что Николай I был заинтересован в обращении Махмуда II за помощью к России. Помимо восстановления стабильности на Ближнем Востоке, он рассчитывал в случае победы Турции поставить перед султаном вопрос о режиме черноморских проливов, не вынося его обсуждение на международный уровень. Еще в ноябре 1832 г. командующему черноморским флотом был дан приказ немедленно направить из Севастополя пять кораблей и четыре фрегата в Турцию в случае обращения султана за помощью. Однако Бутеневу запрещалось самому предлагать военную поддержку султану, но разрешалось предупредить его о готовности эскадры выступить немедленно по требованию султана.

Не получив военной помощи у западноевропейских государств, султан был вынужден обратиться за ней к России. 8 февраля 1833 г. 30-тысячный десантный отряд, руководимый контр-адмиралом М.П. Лазаревым, высадился на Босфоре. Особую озабоченность действиями России проявила Франция, для которой победа Египта могла бы означать утверждение своего преобладающего влияния в Малой Азии. Поэтому французский посол в Константинополе, адмирал А. Руссен, первым заявил султану о вводе в Дарданеллы французской эскадры, если русские корабли не покинут берегов Босфора [40]. Англия вела себя более спокойно, она осторожно советовала султану освободиться от военного присутствия России. Отсутствие единства в тактике двух ведущих государств позволило Николаю I осуществить свой замысел.

Русская эскадра оставалась на Босфоре, что отрезвляюще подействовало на египетского губернатора и заставило его заключить в мае 1833 г. в Кютахье турецко-египетское соглашение, по условиям которого во владение египетского паши переходили Сирия и Палестина. Но требование о независимости было отклонено султаном. Таким образом, турецко-египетский конфликт 1832-1833 гг. закончился компромиссом, не удовлетворившим ни одну из сторон.

На заключительном этапе турецко-египетского кризиса, в мае 1833 г., в Константинополь прибыл в качестве чрезвычайного комиссара А.Ф. Орлов, умный дипломат, во многом содействовавший внешнеполитическим успехам России. В его задачу входило подписание русско-турецкого союзного договора, идея заключения которого исходила от Турции. Такое предложение было сделано от имени султана Бутеневу еще в апреле 1833 г., до появления Орлова в турецкой столице. *"Первая мысль о договоре, - отмечал Нессельроде в ежегодном отчете императору, - исходила непосредственно от самого султана. Он первый почувствовал необходимость иметь моральную поддержку России"* [41]. На инициативу Турции в заключении русско-турецкого договора указывал и Муравьев. В беседе с ним в апреле 1833 г. один из приближенных Махмуда II заметил: *"Султан желает связать эти узы дружбы оборонительным и наступательным союзом с императором"* [42].

Николай I в письме к Паскевичу следующим образом прокомментировал действия приближенных султана: *"Они мне предложили заключить с ними наступательный и оборонительный трактат: первый я отверг, второй принял, как вещь нам выгодную и весьма полезную при нынешнем союзе Франции и Англии"* [43]. Эти и другие документы опровергают утверждения западных историков о том, что Россия навязала Турции договор под *"охраной русских штыков"* [44]. На самом деле он был подписан после вывода русских

войск из Босфора [45]. Вместе с тем очевидно, что Махмуд II решился на этот шаг лишь в силу своего безвыходного положения, когда угроза нового нападения египетского паши не была снята, а западные державы устарились от помощи султану.

Разумеется. Николай I был заинтересован в соглашении с султаном. Договор с Турцией позволял сохранить преобладающее влияние России на Ближнем Востоке, закрепленное Адрианопольским миром, а также решить вопрос о режиме Проливов. особенно важном для России как черноморской державы. Стремясь избежать конфликта с европейскими государствами, Нессельроде в последней инструкции Орлову еще раз подчеркнул мысль Николая I об оборонительном характере будущего русско-турецкого соглашения: *"Россия будет защищать Турцию только против агрессии"* [46].

26 июня (8 июля) 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси, вблизи Константинополя, был подписан русско-турецкий договор сроком на восемь лет. Стороны обязывались оказывать взаимную помощь друг другу в случае нападения на одну из них: Россия обязывалась предоставить Турции такое количество войск, *"которое обе договаривающиеся стороны признают нужным"*. О характере помощи России со стороны Турции в общих статьях соглашения не говорилось, об этом шла речь в секретной статье, приложенной к договору. Согласно ее условиям России, в случае нападения на нее, освобождала Турцию от военной помощи в обмен на обязательство закрыть Дарданеллы для военных кораблей иностранных держав [47]. По духу договора Россия как союзница Турции получала право свободного прохода через Проливы.

Ункяр-Искелесийский договор был кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX в. Он усилил ее влияние в Османской империи, на черноморском побережье Кавказа. На Балканах Россия добила выполнения Турцией ее обязательств в отношении Сербии.

Договор позволял Турции заняться внутренними преобразованиями в администрации, армии, финансах. Он способствовал укреплению собственно русско-турецких отношений, свидетельством чего была миссия Ахмеда-паши в Петербург в октябре 1833 - феврале 1834 г. и русско-турецкая конвенция, подписанная в 1834 г., в подготовке которой принимал участие Николай I. Ее условия подтверждали желание России сохранить дружественные отношения с Турцией и смягчить конфликты на Ближнем Востоке, в частности Россия наполовину сократила контрибуцию, ежегодно взимаемую с Турции согласно Адрианопольскому договору, вывела из Дунайских княжеств свои войска, а Турция особым указом подтвердила внутреннее самоуправление Сербии и согласилась на присоединение к ней ряда округов, населенных сербами [48].

Договоры с Османской империей, подписанные в 30-е годы, явились результатом не военных побед России, а дипломатических договоренностей, что позволяет изменить бытующие в литературе категорические оценки внешней политики Николая I как только агрессивной [49].

Заключение Ункяр-Искелесийского договора вызвало негодование Запада. Правительства Англии и Франции в ноте, обращенной к Турции, заявили о незаконности соглашения и отказывались с ним считаться. Петербургский кабинет заметил, что договор заключен между двумя независимыми государствами и имеет законную силу. Султан же подчеркнул его оборонительный характер и свое намерение *"сохранить и упрочить мир с Россией"* [50]. Но и после этих заявлений нападки на договор в прессе и в парламенте западных стран не прекращались. Вновь всплыли утверждения о "русской угрозе" Индии, о противоречии этого договора международным соглашениям.

Единое желание помешать реализации условий Ункяр-Искелесийского договора Англии и Франции привело к созданию общего блока, в который пытались втянуть и Австрию. Англия, пользуясь тем, что Турция, связанная с Россией соглашениями 1833-1834 гг., не решалась на открытую помощь горцам, взяла инициативу в свои руки: на Кавказ засылались агенты, призывавшие ужесточить борьбу с Россией, а повстанцы снабжались оружием. В конце 30-х годов эта враждебная России деятельность Англии привела к крупному конфликту, вызванному инцидентом с английской шхуной "Виксен", захваченной у берегов Черкессии. После долгих усилий инцидент, едва не приведший к военному столкновению с Англией, был урегулирован [51].

МЮНХЕНГРЕЦКИЕ И БЕРЛИНСКИЕ КОНВЕНЦИИ 1833 г.

В сложившейся после заключения договора с Турцией ситуации, близкой к изоляции России, Николай I согласился на новое сближение с Австрией и Пруссией, инициатива принадлежала Австрии. Окружение царя, в частности Нессельроде, сторонник сближения с Австрией, подталкивало императора к союзу с Веной и Берлином. Однако при организации встречи между союзниками возникли трения. Пруссия, неожиданно для Николая, с большой неохотой шла на официальные переговоры. Поддерживая антидемократические устремления своих союзников, берлинское правительство не желало связывать себя особым соглашением трех монархов. Фридрих Вильгельм III, король Пруссии, под предлогом маневров в Берлине, отказался от совместного свидания трех правителей. Он предложил отдельно встретиться с Николаем I и Францем в местах, удобных каждому из них. Обдумывая свой план по объединению Германии во главе с Пруссией, берлинское правительство при осуществлении непопулярных в либеральном немецком обществе мер старалось оставаться в тени с тем, чтобы при необходимости переложить вину на Австрию, свою соперницу в германских делах.

Николай I заявил о своей готовности встретиться *"вдвоем или втроем - как решит прусский король - без затруднений и риска"* [52]. Остановились на Мюнхенгреце, небольшом городке в восточной Чехии (ныне Мнихово-Градиште). Предварительно была достигнута договоренность обсудить германский, бельгийский, польский и Восточный вопросы. Первая встреча состоялась между прусским королем и Меттернихом в начале августа 1833 г. в Теплице, а в середине августа в Терезиенштадте с Францем I. Фридрих Вильгельм предложил обсудить прежде всего германскую проблему как наиболее важную для Пруссии. Монархи договорились созвать в 1834 г. в Вене заседание Германского сейма для выработки мер по *"пресечению тех беспорядков, которыми так богата теперь Европа и которые угрожают Германии"*.

Встреча Николая I со своим тестем - Фридрихом Вильгельмом III - состоялась в начале сентября 1833 г. в Шведте. При внешней любезности ход консультаций свидетельствовал о том, что прусский король был далек от решения общеевропейских проблем, не говоря уже о Восточном вопросе. Только в день отъезда из Шведта в Чехию Николай получил согласие прусского короля на принятие конвенции, узаконивавшей вмешательство союзников во внутренние дела других стран при условии обращения к ним за помощью соответствующего государства [53].

Император России не был удовлетворен результатом встречи: слишком очевидно расходились цели и направления политики России и Пруссии. Пруссию занимали вопросы, связанные с объединением Германии, хотя для успешного решения этой задачи нужна была стабильность в Европе. Понимая это, прусское правительство тем не менее не желало быть активной стороной в непопулярном среди населения страны союзе трех императоров.

В Мюнхенгрец на встречу с австрийским и российским императорами в качестве наблюдателя от Пруссии был направлен кронпринц Вильгельм, который не оказывал существенного влияния на ход переговоров. Мюнхенгрецкая встреча, как и свидание в Шведе, выявила разногласия в позициях союзников. То, ради чего Николай I пошел на совещание, был Восточный вопрос. Союзом с Австрией он рассчитывал закрепить успехи, достигнутые соглашением с Турцией в Ункяр-Искелеси, и не позволить Западу вовлечь Венский кабинет в антироссийскую коалицию. Австрия видела свою задачу в демонстрации перед Европой, "зараженной новыми идеями", единства монархических держав. Кроме того, соглашением с Россией по Восточному вопросу Венский кабинет стремился ограничить единоличное влияние Петербурга на Константинополь, представлявшее опасность для интересов Австрии.

Николай I, прибыв в Мюнхенгрец в сентябре 1833 г., в беседах с Францем и Меттернихом не устал говорить о продолжавшихся волнениях поляков, венгров, бельгийцев. В российском меморандуме, переданном австрийскому канцлеру, указывалось на важность сплочения монархических сил для уничтожения революционной опасности. Союз, по мнению российского правительства, должен был также ослабить англо-французскую коалицию, провозгласившую в 1830 г. принцип невмешательства [54]. Положения, изложенные в российском меморандуме, без оговорок были одобрены австрийской стороной.

Особое место в переговорах занял вопрос о судьбе Османской империи. В условиях революционного брожения в Европе многонациональная Габсбургская империя особенно нуждалась в сохранении целостности Турции. Россия по-прежнему отстаивала ее неделимость, однако, как и другие правительства, не верила в продолжительность существования Османской империи и стремилась заручиться союзниками на случай ее распада. Вместе с Австрией при сохранении первенства России Николай I рассчитывал решить Восточный вопрос при возможных осложнениях на Ближнем Востоке.

В русско-австрийской конвенции по Восточному вопросу, подписанной 6(18) сентября 1833 г. в Мюнхенгреце (она держалась в глубокой тайне от всех европейских государств, кроме Пруссии), говорилось о желании обоих императоров укрепить союз для сохранения Османской империи. Императоры обязались принять *"самые действенные меры"* для предотвращения угрозы безопасности Турции и их собственных пограничных с нею владений. В секретных статьях конвенции говорилось об обязательствах обеих держав *"в случае ниспровержения существующего порядка в Турции действовать согласованно"* [55].

Конвенция, подписанная в Мюнхенгреце, ограничивала самостоятельные действия России на Востоке, ибо Николай I обязывался по всем вопросам, относившимся к Турции, принимать согласованные с Венским кабинетом решения. В этом смысле конвенция сравнительно с Ункяр-Искелесийским договором была отступлением от традиций российской политики решать ближневосточный вопрос двусторонними переговорами с Турцией. Но международная обстановка, сложившаяся в 30-е годы, практически исключала возможность единоличного вмешательства России в дела Османской империи. В этой ситуации Николай I видел в Австрии государство, союз с которым служил не только барьером против распространения революционных идей, но и определенным гарантом, способным, хотя бы на время, удержать западноевропейские страны от новой войны на Востоке. Соглашение достигло этой цели. В частности оно не позволило министру иностранных дел Великобритании Г. Пальмерстону реализовать свои планы по созданию австро-английской коалиции, направленной против России [56].

Более конкретный характер носила конвенция по польскому вопросу, подписанная между Россией и Австрией в Мюнхенграце, и русско-прусское соглашение, утвержденное в Берлине. По ним установилась взаимная гарантия польских владений каждой из сторон и выдача *"политических преступников"*. Союзные державы обязывались оказывать друг другу военную помощь в случае восстания в польских землях [57].

В Мюнхенграце также было принято решение трех держав по бельгийскому вопросу. В целях скорейшего окончания конфликта в Бельгии голландскому королю было предложено пойти на дальнейшие уступки бельгийцам. Союзники подтвердили принятое в 1831 г. на лондонской конференции решение о признании независимости Бельгии, обязались следовать политике нейтралитета в отношении нового государства, если оно в своих действиях "не будет противоречить интересам Германского союза". В последнем случае война должна была стать общим делом участников коалиции и император России обязывался предоставить Пруссии армию не менее 120 тыс. человек. Соглашение по бельгийскому вопросу было уступкой Николая I правительствам Англии и Франции, которые в 1831-1832 гг. фактически самостоятельно решали судьбу Бельгии.

Предметом обсуждения в Мюнхенграце был также германский вопрос, вызванный продолжавшимися волнениями в государствах Германского союза. В конвенции трех держав говорилось о готовности союзников решительными действиями навести в Германии "порядок". Это нашло практическое воплощение в принятом в 1834 г. постановлении германских государств о фактической ликвидации местных конституций, введенных в 1830-1831 гг., и о передаче всей полноты власти Франкфуртскому сейму, председателем которого был Меттерних, инициатор всех контрреволюционных актов, утвержденных в Мюнхенграце.

Еще до официальной встречи монархов в Мюнхенграце и Берлине они договорились о распределении функций по охране легитимных институтов. *"Согласно этой системе, - сообщали российские дипломаты из Вены и Берлина Нессельроде, - Австрия взяла на себя охрану спокойствия на Итальянском полуострове. Сохранение спокойствия в Германии доверено Австрии и Пруссии. Наконец, Россия взяла на себя охрану Польши и Леванта"*. Кроме того, каждая из держав обязывалась оказывать взаимную помощь друг другу, *"выполняя долг, который их совместная система вменяет в обязанность России, Австрии и Пруссии в случае иностранной агрессии на одно или другое государство"* [58].

Заключительным аккордом встречи трех правителей было принятие ими 3(15) октября 1833 г. в Берлине конвенции о праве интервенции, которое трактовалось как законный акт для *"всякого независимого государства"* [59]. Однако, утвердив конвенцию, они понимали ее непопулярность. Поэтому монархи по предложению Пруссии договорились сохранять тайну ее подписания до тех пор, пока события не потребуют ее обнародования. Согласно конвенции три государства признали за каждой независимой страной право призывать себе на помощь *"во время смут внутренних, а также при внешней опасности, каждое другое независимое государство"*. Страна, к которой обращались за помощью, могла оказать ее или отказать в ней, исходя из своих интересов. Берлинская конвенция о праве интервенции явилась попыткой воскресить, правда на ограниченной основе, сходные положения, принятые конгрессами Священного союза в 20-х годах. Но в конвенциях 1820-1821 гг. право вмешательства не зависело от воли правителя, на территории которого происходили волнения.

В новых условиях союз трех держав не имел большого будущего. Сами союзники не чувствовали себя столь уверенно, как в 20-е годы XIX в.: изменилась международная обстановка. Англия, выступившая союзницей России в антинаполеоновских коалициях,

после Ункяр-Искелеси сблизилась с Францией. Пруссия, сделавшая значительные успехи по созданию Германского Таможенного союза, неохотно шла на открытое провозглашение контрреволюционных принципов. Тем не менее съезд монархов в Мюнхенгреце и Берлине свидетельствовал о решимости трех держав совместными усилиями бороться с *"возмутителями спокойствия Европы"*, что проявилось прежде всего в декларации по польскому вопросу и в конвенции о праве вмешательства союзников в дела других стран.

Подписанные соглашения еще отчетливее выявили противостояние англо-французского блока, закрепленного договором 1834 г., и монархических держав. Париж не признал законность соглашений трех правителей, заявив, что они не будут учитываться Францией в ее политике. Сходную позицию заняла Англия. Да и сам император России не обольщался действенностью соглашений по стабилизации обстановки в Западной Европе. Видимо, был прав немецкий историк Шиман, заметивший, что расправа царя над восставшими поляками *"не была прощена Европой"* [60].

Направляясь в сентябре 1835 г. на встречу трех монархов в Теплиц, правитель России не чувствовал себя победителем. Более того, он опасался, что этой поездкой может быть закончена его жизнь в случае новых осложнений с поляками. Перед своим отъездом, 30 июля 1835 г., Николай I составил завещание сыну, в котором изложил свои мысли на характер и направление внешнеполитической деятельности государства и роль императора в стране. Он предлагал наследнику, будущему императору Александру II, сохранить прежний порядок управления, не менять людей, *"поддерживать достоинство России"* и *"доброе согласие"* с иностранными державами, *"не заводить ссор из-за вздора"*. Считая, что благополучие государства зависит от императора, он советовал сыну быть *"примером благочестия"*.

Эти разумные, чуть сентиментальные напутствия Николая I сыну вступали в противоречия с его наставлениями, когда он касался тактики в отношении *"бунтовщиков"*. В этом случае император предлагал *"смело"* появиться *"там, где нужно, призвав, ежели потребуется, войско, и усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию"* [61]. Эти последние слова, предположительно, касались решения польского вопроса, который вызывал особое беспокойство царя. Стремясь к стабильности и порядку *"любой ценой"*, он видел в поляках постоянных *"возмутителей спокойствия"*. По этой причине, полагаю, он не тяготел к идее общеславянского единства, обдумывал план передачи части Царства Польского Австрии и Пруссии [62].

Встреча в Теплице закончилась благополучно для жизни императора. Монархи поддержали основные решения, выработанные в Мюнхенгреце и Берлине. Таким образом, к середине 30-х годов сформировались как бы два блока государств: франко-английский и русско-австро-пруссский, поддерживавшие хрупкое равновесие в Европе.

ЛОНДОНСКИЕ КОНВЕНЦИИ 1840-1841 гг.

В конце 30-х годов Ближний Восток вновь явился очагом конфликта, вызванного турецко-египетским противостоянием. Условия Кютахийского соглашения 1833 г. не удовлетворяли ни одну из сторон. Турция и Египет готовились к новой схватке. Николай I не хотел войны: позиции России на Ближнем Востоке после Ункяр-Искелеси были крепкими, набирала обороты торговля юга России через Босфор и Дарданеллы [63]. Обострившийся конфликт мог привести к изменению существовавшего режима Проливов. Эти соображения заставляли петербургский кабинет стремиться к сохранению статус-кво

на Ближнем Востоке. Николай I советовал султану Махмуду II дипломатическими средствами решить конфликт. Однако турецко-египетские переговоры, начатые по инициативе России, оказались безуспешными: Махмуд II не признавал за египетским пашой Мухаммедом Али наследственных прав на завоеванную им территорию Аравийского полуострова. Египетский паша готовился отстоять их силой.

Англия и Франция не доверяли заверениям Николая I о мирном исходе конфликта. При различном отношении к Мухаммеду Али их объединяла боязнь появления русского десанта в Константинополе, что вытекало из условий Ункяр-Искелесийского договора. Особенно активно действовал лондонский кабинет, предлагая султану материальную помощь. По существу Англия подталкивала Махмуда II к нападению на Мухаммеда Али, хотя, как обычно, не шла дальше обещаний.

В апреле 1839 г. турецкая армия вошла в Сирию, а в июне произошло сражение с египтянами, в результате которого турецкие войска потерпели поражение и были обращены генералом Ибрахимом-пашой в бегство. Военная неудача совпала со сменой правителей в Турции: умер Махмуд II и на престол вступил его 16-летний сын Абдул Меджид. Новый султан предложил правителю Египта в случае прекращения войны наследственную власть над Египтом. Тот, чувствуя собственную силу и тайную поддержку Франции, отверг это условие, требуя в свое управление всю завоеванную им территорию. Европейские государства, включая и Россию, поддерживали султана. Хотя Франция была на стороне Египта, но воевать с Турцией она не собиралась, для нее важнее было сохранить лояльные отношения с Англией. Что касается Николая I, то в турецко-египетском конфликте конца 30-х годов он, согласившись на сотрудничество с европейскими странами, фактически отошел от условий Ункяр-Искелеси по оказанию помощи султану [64], что, однако, позволило обеспечить мирную развязку конфликта.

Новая тактика России в восточном вопросе, вызванная в значительной степени усилением экономических позиций Англии в Турции (подписанный в 1838 г. англотурецкий договор подчинял экономику страны интересам Англии), требовала и новых союзников. Николай I вновь предпринял усилия по сближению с Англией. Для этой цели в Лондон был направлен опытный дипломат Ф.И. Бруннов, хорошо знавший не только страну назначения, но и желания императора России. В ходе переговоров Пальмерстона и Бруннова были выработаны основные положения, ставшие предметом обсуждения на конференции государств по Восточному вопросу. Она открылась в Лондоне в январе 1840 г., в ней участвовали пять европейских держав - Англия, Россия, Франция, Австрия, Пруссия. В ходе заседаний рассматривались два вопроса: турецко-египетский и о режиме Проливов. По проекту, предложенному европейскими странами, Мухаммед Али сохранял свою наследственную власть над Египтом, но должен был отказаться от других завоеванных им территорий. При неповиновении египетского паши против него предлагалось применить военную силу. Все державы, кроме Франции, приняли этот проект. Французский делегат настаивал на расширении владений Мухаммеда Али и его прав. Паша, ободренный поддержкой Франции, отверг проект. После долгих раздумий и под давлением внутренней оппозиции Лондон все-таки согласился подписать конвенцию без Парижа. Такой исход переговоров вполне устраивал Николая I, считавшего, что заключение конвенции без Франции *"является наиболее удачным решением Восточного вопроса"* [65]

Итак, Лондонская конвенция, подписанная 3(15) июля 1840 г. Англией, Россией, Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Турцией - с другой, касалась урегулирования турецко-египетских отношений и режима черноморских проливов [66]. Султан предоставлял египетскому паше в наследственное управление Египет и в пожизненное Сирию. В случае

непризнания им договора Англия и Австрия обязывались для помощи султану ввести свои эскадры в Средиземное море, а Россия при опасности, грозившей Константинополю, должна была защищать столицу Турции. Что касается второго вопроса, то в конвенции указывалось на запрещение в мирное время ввода в Проливы иностранных военных судов и уважение этого режима со стороны держав.

Николай I, оценивавший характер переговоров в Лондоне и подписанное соглашение преимущественно по донесениям Бруннова, который преувеличивал остроту франко-английских противоречий, рассматривал конвенцию как успех России прежде всего из-за отсутствия подписи Франции под ее решениями и из-за ослабления власти Мухаммеда Али в Передней Азии. Императору казалось, что он близок к реализации своего плана по изоляции Франции и сближению с Англией, в решении вопроса о дальнейшей судьбе Турции.

Английская дипломатия в 40-е годы, как и позже, искусно поддерживала это заблуждение Николая I, намеренно подчеркивая англо-французские разногласия в колониальном вопросе. Император слишком поздно понял, что за временную изоляцию Франции Россия заплатила высокую цену, потеряв свое прежнее право решать вопрос о закрытии Проливов для военных судов путем двусторонней договоренности с Турцией.

Лондонская конвенция 1840 г. положила начало новому режиму черноморских проливов. Это была победа Англии, ей удалось добиться согласия России на коллективный контроль всех европейских стран над Проливами. Соглашение явилось реализацией давних усилий Пальмерстона по расширению Ункяр-Искелесийского договора *"путем включения в него всех европейских держав"*. Лондонская конвенция свидетельствовала об ослаблении позиций России на Ближнем Востоке, что сказалось и на последующих шагах Николая в этом регионе.

Однако подписанием европейскими странами и Турцией лондонской конвенции турецко-египетский конфликт не был исчерпан. Мухаммед Али отказался, принять условия султана, тогда Абдул Меджид объявил его вне закона: в сентябре 1840 г. у берегов Сирии появилась англо-австрийская эскадра. Оставленный Францией, окруженный турецко-англо-австрийскими войсками (русская армия не участвовала в экспедиции) Ибрахим-паша был вынужден оставить Сирию и возвратиться в Египет. И тут Англия одержала победу. Ей удалось не только ослабить военную мощь Мухаммеда Али, но и влияние Франции на Ближнем Востоке. Николай I не постиг глубину замысла Англии, полагая, что разногласия между ней и Францией выгодны Петербургу. Он не понял, что они временные, и скоро страны объединят усилия в борьбе с Россией.

Подписание первой лондонской конвенции без участия Франции сказалось на обстановке в Европе. В длительном разрыве отношений с Парижем не были заинтересованы Лондон, Вена, Берлин. Инициативная роль в возобновлении переговоров по ближневосточному урегулированию с участием Франции принадлежала Англии. Попытки российской дипломатии помешать этому оказались безуспешными [67]

Уже 1(13) июля 1841 г. была подписана вторая лондонская конвенция пятью европейскими державами, включая Францию, с Турцией [68], Она касалась только режима Босфора и Дарданелл. По ее условиям черноморские проливы объявлялись закрытыми для военных кораблей всех держав. Гарантом этого решения выступали европейские державы, что ослабляло суверенитет Турции над Проливами и представляло угрозу другой черноморской державе - России, Лондонские конвенции 1840-1841 гг. явились преддверием Крымской войны [69]

ВИЗИТ НИКОЛАЯ I В ЛОНДОН

Однако в начале 40-х годов в русско-английских отношениях наступило определенное сближение по делам Ближнего Востока, Кавказа и Европы. Англия старалась сохранить те преимущества, которые были ею получены в результате подписания лондонских конвенций. Кроме того, стремление сохранить целостность Османской империи сближало позиции обеих держав. Эти обстоятельства в немалой степени объясняют новые усилия, предпринятые Николаем I по достижению соглашения с Англией.

Летом 1844 г. император посетил Великобританию с тем, чтобы лично познакомиться с политическими деятелями страны и выработать совместный план действий по Восточному вопросу. Он выбрал удачное время для встречи: в Англии у власти стояло консервативное правительство во главе с Р. Пилем, лояльно относившимся к России; а в англо-французских отношениях наступило новое обострение по европейским и колониальным вопросам. Аристократический Лондон приветливо встретил государя [70] Королева Виктория и ее супруг не пожалели времени для светских бесед с Николаем I. На королевскую чету император произвел благоприятное впечатление. Виктория отмечала его красоту, изящество манер, искренность и любезность. Однако от нее не ускользнули его суровость и непреклонность в том, *"что касается раз и навсегда определенных им принципов долга, которые ничто на земле не заставит его изменить"* [71].

Главными темами деловых встреч, которые вел Николай I с Пилем, Эбердином, Веллингтоном, были судьба Османской империи и выработка общей позиции на случай ее распада. Внутреннее состояние государства давало почву для таких опасений.

Ни в одной из бесед императора с политическими деятелями Англии не ставился вопрос о намерении обеих держав ускорить падение Османской империи. Подтверждением тому служит меморандум российского канцлера К.В. Нессельроде как письменный итог устных договоренностей Николая I с английскими политиками, а также многократно повторявшиеся утверждения МИД России, что сохранение целостности Турции составляет основу политики русского правительства [72]. Утверждения зарубежных и отечественных историков о плане раздела Турции, предложенном якобы Николаем I в Лондоне в 1844 г., являются преувеличением [73]. Опасения императора по поводу состояния "больного человека", т.е. Турции, хорошо известны и понятны. Но для Николая I было столь же очевидно, что обсуждение конкретных мер по разделу турецкого наследства не объединит Россию и Англию, а расстроит намечавшееся сближение и помешает решению другой задачи - отдалить Англию от Франции. Этим объясняется декларативность документа, его спокойная тональность.

Инициатором составления меморандума был не император, как отмечается в литературе [74], а по-немецки пунктуальный Нессельроде, считавший необходимым устным договоренностям придать документальный характер. Получив на составление документа согласие Николая I, который дал его не без колебаний, российский министр в сентябре 1844 г. прибыл в Лондон и передал меморандум статс-секретарю по иностранным делам Эбердину. Тот, ознакомившись с документом, констатировал адекватность его содержания характеру российско-английских переговоров. Однако официальный ответ из Лондона так и не пришел, что снижало правовое значение меморандума и освобождало английское правительство от тех, самых общих обязательств, что содержались в документе.

В меморандуме нашли отражение как политика России и Англии в отношении Османской империи, так и их договоренность о совместных действиях на случай распада Турции. Оба

пункта имели принципиальное значение для двух стран и сближали их позиции. Документ начинался словами: *"Россия и Англия глубоко убеждены, что обе заинтересованы в сохранении той независимости и территориальной целостности Турции, в какой она находится в настоящее время. Это ее состояние отвечает общим интересам сохранения мира. Россия и Англия прилагают совместные усилия для укрепления существования Османской империи и для предотвращения опасностей, которые могут возникнуть"* [75]. Для этой цели необходимо позволить Порте жить спокойно, без волнений, дипломатических козней и без вмешательства в ее внутренние дела. Одновременно с этим в меморандуме отмечалась нестабильность состояния Турции, выражающаяся прежде всего в ее конфликтах с христианами, *"что могло бы привести Турцию к распаду"*. В этом случае обе державы обязывались убеждать турецких министров проявлять *"кротость и терпение"* относительно своих христианских подданных, а последних - *"удерживать в повиновении султанской власти"* [76]. В документе не упоминались особые права России по покровительству православным подданным султана. Констатация этого факта осложнила бы российско-английские переговоры, а Николай I старался убедить своих собеседников в полном совпадении интересов обеих стран в Восточном вопросе.

Если же дипломатические усилия двух держав по стабилизации обстановки в Османской империи окажутся недостаточными, говорилось в меморандуме, и Турции под влиянием внутренних факторов будет угрожать распад, то Россия и Англия договорятся об учреждении *"нового порядка вместо нынешнего"*. Нессельроде, активный сторонник австро-российско-английского союза, посчитал возможным внести в документ свою мысль о привлечении к совместным действиям России и Англии еще и Австрию. В меморандуме отмечалось, что соглашение двух сторон *"будет более действенным, если оно встретит полное одобрение со стороны Австрии, у которой с Россией существует согласованность принципов в отношении Турции"* [77]. Однако конкретная роль Австрии в союзе не была оговорена. Что же касается России и Англии, то в меморандуме было указано, что в случае распада Османской империи две державы будут действовать одновременно - Россия преимущественно на суше, Англия - на море. *"Изолированные действия могут принести много неприятностей, а совместные - реальную пользу"* [78] - говорилось в заключении меморандума.

Николай I был доволен визитом в Лондон. Любезность и внимательность королевы Виктории, заинтересованность английских министров в сохранении целостности Турции, высказанная во время переговоров, расценивались императором как залог будущих совместных действий на случай распада Османской империи. Обеспокоенность Луи-Филиппа за судьбу франко-английских отношений (не оправдавшаяся, как показали дальнейшие события) также поддерживала эту надежду царя. После поездки в Лондон внимание Николая I вновь привлекла Западная Европа.

1848-1849 ГОДЫ

О революционных выступлениях в Италии, Германии, Чехии, Польше Николай I знал из донесений российских дипломатов и из переписки с главами европейских государств. Он был убежден, что их причины кроются в уступчивости правительств в отношении *"бунтовщиков"* [79].

Получив сведения о восстании в Париже в феврале 1848 г., царь посчитал возможным незамедлительно выступить против Франции, пока пожар революции не охватил другие государства. В письмах к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV он советовал провести мобилизацию прусской армии и возглавить вооруженные силы всех германских государств, расположенных у границ Франции. Со своей стороны император обещал

немедленную помощь в 300 тыс. солдат. Австрии, по его мнению, следовало сосредоточить внимание на Италии [80]. Николай I призывал берлинский и венский кабинеты к согласованности действий: *"Нашему существованию угрожает неминуемая опасность, ввиду которой необходимо действовать по общему плану и общими средствами"* [81]. Известная фраза: *"Седлайте коней, во Франции революция"*, - достоверность которой оспаривается, отражала восприятие ситуации Николаем I. 14(26) марта 1848 г. он опубликовал манифест, осуждавший события в Западной Европе, призывал население России *"защитить неприкосновенность пределов империи"*. Российская армия была приведена в боевую готовность и направлена к западной границе.

Однако европейские правительства не спешили последовать примеру царя. Они сохранили тактику, которой следовали в 1830 г. Так прусский король предлагал Николаю I вместо военной мобилизации созвать политическую конференцию глав держав для обсуждения общих начал по борьбе с революцией. Английское правительство, участие которого в коалиции Николай I считал желательным, советовало российскому императору *"не начинать с Францией войны из-за принципов, не вмешиваться во внутренние дела этого государства"* [82]. Таким образом, надежды Николая I на создание единого блока европейских правительств для борьбы с Францией оказались иллюзорными.

Тем временем революционные события с поразительной быстротой преодолевали границы Франции. Едва "король баррикад" успел бежать из Парижа, восстания распространились на Пруссию, Австрию, Венгрию, Италию, Дунайские княжества. Необратимость процессов, охвативших Европу, заставила К. Меттерниха, защитника старого порядка, уйти в отставку.

На первом этапе революции восставшие одержали победу над своими противниками. Во Франции была ликвидирована монархия и провозглашена республика; во Франкфурте-на-Майне открылся учредительный парламент для выработки конституции германских государств. Становилось очевидным, что российское правительство не в состоянии собственными силами остановить революционный обвал. Внутреннее положение России также не способствовало активным действиям в Западной Европе: в 1848 г. в стране разразился голод, пожары уничтожали деревни, росло крестьянское движение, особенно сильное в западных губерниях. Взрывоопасная обстановка сложилась в Польше, прежде всего на территориях, отошедших к Австрии и Пруссии; вспыхнули восстания в Кракове, Львове, княжестве Познанском. Население этих земель особые надежды возлагало на помощь польской эмиграции во Франции. Спокойнее было в Русской Польше. Однако Николай I предписывал наместнику Царства Польского И.Ф. Паскевичу обращать *"самое бдительное внимание на собственный край"*. *"При малейшей искре неповиновения вели строго наказывать, - приказывал император Паскевичу, - а в случае нужды и действовать... оружием"* [83]. Николай I, как и другие государственные деятели Европы, был убежден, что стабильная обстановка в Польше служит определенным гарантом спокойствия европейских стран, что предполагало единство действий последних в борьбе с революцией.

Однако здравый смысл остановил Николая от вооруженного вмешательства в дела Франции. К тому же политика временного французского правительства (главой внешнеполитического ведомства был поэт А. Ламартин), склоняла царя к этому решению. Успокаивая европейские государства, политические деятели Франции обещали не вести революционной пропаганды в соседних странах. Они официально заявили о своем невмешательстве в дела других держав, что было встречено с одобрением правительствами Западной Европы и Николаем I.

Кровь, пролитая генералом Е. Кавеньяком при столкновении с парижанами в июньские дни 1848 г., послужила толчком для перехода правительств Франции и других европейских стран к политическим репрессиям. Революционные события со второй половины 1848 г. вступили в новый этап, который характеризовался постепенным укреплением контрреволюционных сил. Во Франции господствовала "партия порядка"; в германских государствах и Австрии в результате подавления восстаний к власти пришли реакционные правительства; в России это время ознаменовалось принятием репрессивных мер в области цензуры, подавлением крестьянских восстаний в западных губерниях. Усилиями Николая I удалось изолировать страну от западноевропейских событий. В конце 1848 г. правительство России чувствовало себя более уверенно, чем в феврале и марте. Надежной союзницей Николая I становилась Франция Кавеньяка: действия генерала вызвали восхищение у царя.

К этому времени относится договоренность России и Турции о совместных действиях в Дунайских княжествах. В марте 1848 г. начались восстания в Молдавии и Валахии, направленные против власти господарей, боярства и политики султана. В июне того же года в Молдавию с одобрения турецких сановников были введены русские войска, а в сентябре турецкая армия вошла в Бухарест. Балто-Лиманская конвенция, подписанная между Россией и Турцией в апреле 1849 г., усилила зависимость княжеств от власти султана, что в дальнейшем осложнило обстановку на Балканах. Последний этап революций в Европе пришелся на весну и лето 1849 г. Его отличительной особенностью было перемещение центра революции в Венгрию, где повстанцы победили еще в марте 1848 г.

Осенью 1848 г., когда революционное движение в самой Австрии было подавлено, правительственные войска начали наступление на восставших венгров. Но в отличие от революции 1848 г. во Франции, развивавшейся по нисходящей линии, венгерская революция набирала силу и завоевывала новых сторонников за пределами страны. В феврале 1849 г. между Венгрией и поляками было заключено соглашение, скрепленное вхождением в венгерскую армию почти 20 тыс. поляков. Весной 1849 г. венгерская армия, реорганизованная лидером восставших Лайошем Кошутом, полностью освободила страну от австрийских войск, что позволило венгерскому парламенту провозгласить независимость Венгрии. Этот акт приветствовала вся передовая Европа.

Успехи восставших побудили 19-летнего императора Австрии - Франца-Иосифа обратиться за помощью к царю. Николай I долгое время не придавал серьезного значения событиям в Венгрии. Вся сложность ситуации стала понятна Петербургу лишь весной 1849 г., после разгрома австрийской армии и обращения венского кабинета к императору России за поддержкой. Николай ее обещал. В мае 1849 г., одновременно с признанием императором России Французской республики, царь издал манифест о движении армии в Венгрию. В нем отмечалось, что русские войска направляются туда не только ради спасения Габсбургской империи, но и в целях сокрушения революционных сил, представлявших угрозу российскому самодержавию. *"Не одна помощь Австрии для укрощения внутреннего мятежа и по ее призыву меня к тому побуждает, - писал Николай Паскевичу 13(25) апреля 1849 г., - чувство и долг защиты спокойствия Богом вверенной мне России меня вызывают на бой, ибо в венгерском мятеже явственно видны усилия общего заговора против всего священного и в особенности против России"* [84].

Западные державы не препятствовали царской интервенции. На сообщение посла России в Лондоне Бруннова о намерении Николая I выступить против Венгрии фельдмаршал Веллингтон заметил: *"Кончайте, только поскорее"*. Не менее благосклонно отнесся к акции Николая I президент Франции Луи Бонапарт, заинтересованный в сохранении

сильной Австрии как противовеса Пруссии. Позиция стороннего наблюдателя, занятая европейскими правительствами, облегчила задачу подавления венгерской революции.

Открытое вмешательство Николая I дало решительный перевес австро-русским войскам: венгерская армия насчитывала 170 тыс. человек, а общая численность русских и австрийских войск составляла 260 тыс. Несмотря на численное превосходство, коалиционная армия в течение двух месяцев не могла добиться капитуляции венгров. Лишь в середине августа 1849 г. восставшие прекратили сопротивление; руководители восстания были вынуждены покинуть страну. Конечному успеху австрийских и российских войск содействовали также ошибки восставших: отстаивая собственную независимость, венгры отказывали в самоуправлении славянам и румынам, проживавшим в Венгрии. Более того, они совершали нападения на их города и селение. Те, в свою очередь, выступали на стороне противников восставших, считая императора России *"истинным покровителем балканского православного славянства"* [85].

Однако при всех политических ошибках венгров они вели борьбу за свою независимость.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Подавление революционных выступлений в Европе укрепило влияние России. Подобострастие государей воспринималось Николаем I как подлинное свидетельство его возросшего авторитета; произошли изменения и в самом характере императора. Природная интуиция, чувство реальности, умение адекватно оценивать обстановку, свойственные ранее царю, уступили место небывалой уверенности в непререкаемости своих решений. Это сказалось в его действиях внутри страны. Оно проявилось и за пределами государства. Он не понял, что внешнеполитические успехи России вызывали на Западе не только боязнь дальнейшего роста ее могущества, но и желание ослабить Россию объединенными усилиями всех держав. Убежденность Николая I в силе Венской системы, где ведущая роль принадлежала России и Англии, была умело использована всеми правительствами Европы. В первую очередь это касалось Великобритании, которая представлялась Николаю I потенциальной союзницей России в Восточном вопросе. Предшествующий ход событий как бы подтверждал это суждение царя. Правда крупный конфликт с Англией на Кавказе в 1836-1837 гг., вызванный продажей ею оружия горцам, должен был насторожить императора. Но этого не произошло. Кавказ после Адрианопольского мира считался внутренней проблемой России.

Англо-русский конфликт был приглушен. Но он явился одной из причин посещения Николаем I вместе с наследником престола Кавказа в сентябре-ноябре 1837 г. Император встречался с российскими солдатами и армейским начальством, с депутатами от горских племен. Последним он внушал мысль, что военные действия ведутся не для увеличения могущества России, а для собственного блага горцев: установления спокойствия и мира в крае, развития торговли. Для решения этих задач Николай I требовал не только активных военных действий против непокорных, но и возвращения мирного населения на свои земли, учреждения школ, что привело бы к слиянию края с Россией в *"единое целое без всяких следов насильственного присоединения"* [86]. Но Николая I занимал прежде всего Ближний Восток и политика там Англии.

События 30-40-х годов в Малой Азии, связанные с турецко-египетским кризисом, и прежде всего поездка в Лондон в 1844 г., поддерживали в Николае I надежду о возможности достичь договоренности с Англией в отношении Турции.

Русско-турецкий инцидент 1849 г., вызванный отказом султана выдать России и Австрии польских и венгерских эмигрантов, бежавших в Турцию после революционных событий 1830-1831, 1848-1849 гг., не был расценен Николаем I как тревожный симптом, как преддверие нового восточного кризиса. Вслед за этой дипломатической неудачей возобновился многолетний спор о "святых местах", ставший одной из причин, приведших Европу и Турцию к Крымской войне. За требованиями католиков и православных о преимущественном праве той или другой стороны проводить богослужение и ремонт в храмах Вифлеема и Иерусалима стояли конкретные политические интересы Франции и России.

Еще со времени существования Византийской империи, во владения которой входил Иерусалим, греческая православная церковь была господствующей в Палестине. Усиление в регионе роли католической церкви, связанное с крестовыми походами, осложнило положение христиан, исповедовавших православие, но сохраняло авторитет греческой церкви. Завоевания османами всей территории Передней Азии и Балкан, падение в 1453 г. Константинополя сделали султана правителем Палестины - этой святыни христианского мира.

Россия, получив в XVIII в. право покровительства православным подданным султана, рассматривала эту привилегию как важный рычаг укрепления своего влияния на Востоке и воздействия на политику султана. По мере ослабления в 40-е годы ее политического и экономического веса на Ближнем Востоке приобретало особый смысл нравственное воздействие России на православное население Ближнего Востока.

Именно с 40-х годов министерство иностранных дел России взяло на себя инициативу по организации русской духовной миссии в Палестине, направило русских священников для знакомства с обстановкой в крае. В 1847 г. оно содействовало открытию в Иерусалиме русской духовной миссии, которую возглавил один из авторитетных священнослужителей - архимандрит Порфирий. Одной из его задач было возвышение авторитета и роли православной церкви в Палестине [87]. Так что религиозные споры между Россией и Францией можно расценить как политический конфликт. Уступка Франции расценивалась Николаем I как показатель слабости государства, как отказ от важного нравственно-политического преимущества, полученного Россией в результате побед над Турцией. Для понимания причин жесткой позиции Николая в этом споре, помимо особенностей его характера, следует отметить и слабое знание российским правительством внутренней обстановки во Франции, и надежды императора на возможность завершить спор мирными средствами. В письме Паскевичу он писал: *"Ему (Наполеону III. - Н.К.) нет нужды теперь (конец 1852 г. - Н.К.) зачинать войну... Но будем готовы"*. Здесь же он признавался: *"Но дай Бог, чтобы обошлось без этого (войны. - Н.К.), ибо решусь на то только в крайности. Зачать войну не долго, но кончить и как кончить... один Бог знает как"* [88].

Заблуждения Николая I относительно планов Наполеона III соседствовали с его уверенностью (что сыграло немалую роль для России) в согласованности своих действий с Англией в отношении Турции. Об этом свидетельствует и его разговор с английским послом в Петербурге Г. Сеймуром. В исторической литературе он трактуется чаще всего как напоминание английскому дипломату о прежних договоренностях императора с английским правительством по разделу Османской империи [89].

В беседах с Сеймуром в январе-феврале 1853 г. речь не шла о территориальном разделе владений Турции между Англией и Россией. Николай I повторил то, что было сказано в Лондоне в 1844 г.: для обеих стран важно быть едиными на случай распада Османской

империи, который, по его словам, неизбежен. Переходя к спору о "святых местах", император заметил, что он скорее касается России и Франции, чем Османской империи. Эта фраза Николая I косвенно говорит не только об ослаблении власти султана над христианским населением, но в целом об утрате Турцией самостоятельности в своей политике. В этом видна убежденность императора в том, что, если начнется война, она, скорее всего, закончится падением Османской империи, что требует от России и Англии согласованных действий. В заключение беседы с Сеймуром Николай I сказал: *"Император России не позволит другим, как и не стремится сам, овладеть Константинополем. Моя страна столь обширна, что мне не нужны территориальные приобретения"* [90]. Завершая разговор, царь просил передать английской королеве свое желание действовать в согласии с нею, видя в этом гарантию успеха на будущее.

Убежденность Николая I в лояльной позиции Англии в случае войны с Турцией подкреплялась и донесениями из Лондона Бруннова. Тот уверял императора в неприязненном отношении Великобритании к Франции и поддержке Лондоном прав России на "святые места". Между тем уже к этому времени существовало тайное соглашение двух стран о совместных действиях против России. В марте 1853 г. французский флот с ведома Лондона отплыл из Тулона в Константинополь, месяцем позже английская эскадра была направлена в Дарданеллы. Готовность Запада поддержать Турцию в ее войне с Россией во многом объясняет упорство султана в отношении требований Петербурга. *"Турки с ума сходят и вынуждают меня к посылке чрезвычайного посольства"* [91], - с раздражением отмечал император. Возглавить посольство Николай I первоначально предложил А.Ф. Орлову, испытанному и умному дипломату, затем Киселеву. Но те отказались.

В Константинополь был направлен начальник морского штаба России А.С. Меншиков, участник войны 1812 г., образованный, но самоуверенный генерал. Об огромной свите, его сопровождавшей, и надменном поведении главы миссии написано немало. Но следует заметить, что Меншиков не удостоился встречи с официальными лицами Турции. Русскую миссию принимало лишь местное православное население. Дипломатические промахи Меншикова (отказ от встречи с министром иностранных дел Турции англофилом Фуадом, появление на приеме у султана в гражданском платье, категоричность требований во время переговоров) не имели решающего значения. Правительства Запада, прежде всего английское, опасаясь мирного исхода конфликта, фактически руководили Портой в русско-турецких переговорах о "святых местах".

Получилось так, что Николай I, начиная войну, не знал своих истинных противников. Он был убежден, что в столкновении с Турцией Россия одержит победу. В этом император не ошибся. Но он не предполагал, что против России объединятся ведущие государства Европы. В значительной степени этим объясняется его уверенный тон в письме к Паскевичу: *"Мы готовы (к войне. - **Н.К.**), будем спокойно смотреть на предстоящее"* [92].

Итак в развязывании войны против России на Ближнем Востоке были заинтересованы все крупные европейские государства и Турция. Война позволила бы лишить Россию той ведущей роли, которую она приобрела после победы над наполеоновской Францией и после событий 1848-1849 гг. Запад стремился вытеснить Россию с Ближнего Востока и под флагом защиты интересов Турции от русской угрозы подчинить ее экономику и политику своим задачам. Николай I в случае победы в войне надеялся укрепить свое влияние на Балканах и не позволить ни одной из европейских стран овладеть Константинополем и Проливами. Турция рассчитывала на возврат в свои владения кавказских территорий. Крымскую войну некоторые исследователи считают преддверием

первой мировой войны по количеству участвовавших в ней держав и охвату территорий, затронутых военными действиями [93].

После срыва переговоров в Константинополе Николай I в июне 1853 г. направил русские войска в Дунайские княжества *"в целях удовлетворения законных требований и защиты православного населения Турции"*, - так говорилось в царском манифесте. Эту меру император и его окружение рассматривали как упреждающую, способную отрезвить султана и Францию. Враждебные России действия со стороны Австрии и Англии летом 1853 г. царь исключал. Однако все оказалось совсем не так. Хотя Англия и заявляла, что не предпримет противных России действий со вступлением русских войск в княжества, но именно она толкала султана к войне. В сентябре 1853 г. Порта, опираясь на поддержку европейских правительств, потребовала от России в 15 дней очистить Дунайские княжества, а в случае отказа грозила открыть военные действия. Султан, не дождавшись истечения поставленного в ультиматуме срока, объявил России войну; Николай I в манифесте от 20 октября (2 ноября) 1853 г. заявил о начале военных действий против Турции.

Бои велись на Дунайском направлении, азиатской границе и Кавказском побережье. Последнее имело особую важность для Англии и Турции. На протяжении всей Кавказской войны Порта чувствовала надежную поддержку своих действий со стороны Англии, которая одобряла усилия султана по объединению турецкой армии с отрядами горцев.

Разгром турецкого флота при Синопе 18(30) ноября 1853 г., победы русских под Ахалцихом и Башкадыкларом (декабрь 1853 г.) отрезвляюще подействовали на Порту. Правительства Запада, опасаясь возможности обращения султана к Николаю I с просьбой о перемирии, решительно включились в войну. В январе 1854 г. англофранцузская эскадра вошла в Черное море якобы для защиты османской территории. В марте 1854 г. королева Виктория и император Наполеон III объявили войну России. С этого времени русско-турецкая война стала войной объединенной Европы и Турции против России.

Чуть ранее, в начале ноября 1853 г. (точная дата не указана в документе), когда Николаю I стали известны враждебные в отношении России намерения англичан, он составил "Записку", которую передал канцлеру Нессельроде. В ней император изложил свой план по освобождению христиан Востока от турецкой зависимости. По мнению биографа Николая I, Н.К. Шильдера, который опубликовал эту записку, одну с четвертью страницы, она свидетельствовала о новом направлении восточной политики Николая I [94].

"Записка" начиналась с изложения позиции Великобритании, действия которой *"заставляют Россию обезопасить себя от нападения англичан"*. Николай I осуждает поддержку турок англичанами, считая, что существование Турецкой империи в Европе *"сделается невозможным в весьма близком будущем"*, тогда Англия обратит *"против нас последствия этого кризиса"*. Не исключено, полагал Николай I, что Великобритания, желая вытеснить Россию с Ближнего Востока, *"сама встанет во главе освобождения европейских христиан с целью дать им затем такое устройство, чтобы условия их будущего существования шли совершенно вразрез с нашими существеннейшими интересами"*.

Чтобы *"предупредить этот постыдный расчет"*, Николай I предлагал *"объявить всем державам, что мы (русские. - Н.К.), отказываясь от всякого завоевания, признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, подпавших несколько веков тому назад оттоманскому игу"*. Россия *"берет на себя почин этого святого дела"* и приглашает к нему присоединиться все христианские нации,

подвластные в Европе мусульманскому влиянию (молдаво-валахов, сербов, болгар, босняков, греков) *"с тем, чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века"* [95]. В заключение "Записки" Николай I выражал надежду, что исполнение его плана *"освободит (христианский мир. - Н.К.) от исключительного и злонамеренного руководства английского правительства (не Турции! - Н.К.) и только одно это средство способно положить предел недоброжелательству англичан"*. Император предлагал Нессельроде незамедлительно послать в области с христианским населением способных людей для знакомства с положением населения, сбора точных сведений о настроении местных жителей и содействии с их стороны планам России.

8 ноября 1853 г. после беседы с императором, которая, по словам канцлера, произвела на него *"тягостное впечатление"*, Нессельроде составил ответ, в котором отвергал все предложения Николая I [96]. Этот факт сам по себе представляет любопытный штрих к сложившемуся в литературе портрету дипломата как человека, выполнявшего лишь волю императора. Министр полагал, что инициатива России по организации восстания христиан противоречит заверениям императора, которые он давал, вступая в Дунайские княжества: *"Ничего не предпринимать, что могло бы вызвать восстание христианского населения против султана"* [97]. Вместе с тем Нессельроде не исключал возможности самостоятельного выступления христиан *"без всякого с нашей стороны подстрекательства"*. В этом случае, считал он, Россия могла бы поддержать это восстание и *"провозгласить освобождение христиан"* [98]. Свое несогласие с планом Николая I канцлер объяснял еще и опасностью предлагаемых императором действий для самой России, которые неизбежно приведут к обострению обстановки на Ближнем Востоке, усилят активность англичан, *"способных успехи России присвоить себе"*.

Николай I, не допуская возражений со стороны подчиненных, на этот раз согласился с доводами канцлера, и план был отложен. Такое необычное поведение царя можно объяснить рядом причин: его неуверенностью в реальной возможности осуществить свой замысел с пользой для России; расхождением предложений царя с его собственными принципами по поддержанию целостности Турции. Имело значение и то обстоятельство, что суждения Нессельроде не расходились с представлениями Николая I о характере действий России на Балканах: оказывать содействие христианским народам в их борьбе с османской неволей, но не брать на себя инициативу в организации восстания. Этот план по освобождению балканских народов был реализован в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., которая велась без участия стран Европы.

Касаясь оценки самой "Записки", полагаю, что будет большой натяжкой считать ее новой программой Николая I в Восточном вопросе. "Записка" явилась реакцией императора на негативную позицию Англии в связи со вступлением русских войск в Дунайские княжества. Не случайно, что начинается она с критики действий Англии, антирусских по своей направленности. Освобождение православных народов Россией предлагалось Николаем I в качестве меры, способной воспрепятствовать Англии вытеснить Россию с Ближнего Востока и возглавить освобождение христиан от турецкой неволи.

Практического значения в ходе Крымской войны "Записка" Николая I не приобрела. Она интересна для понимания политики императора и предпринимаемых им усилий восстановить авторитет России на Ближнем Востоке.

Почти одновременно с высадкой в Крыму англо-французских армий летом 1854 г. Австрия, поддержанная воюющими странами, потребовала вывода российских войск из Дунайских княжеств, и как только это было сделано, тут же заняла их. Хотя венское

правительство формально считалось нейтральным, по существу оно было участником антирусской коалиции. Вене принадлежала инициатива по выработке предварительных условий договора, известных четырех пунктов (август 1854 г.), которые Орлов, по словам А.Ф. Тютчевой, считал *"унижением России"* [99]. Их выполнение лишало Россию исключительного права покровительства православному населению Османской империи, требовало пересмотра режима Черноморских проливов, что было важным рычагом российского влияния. Николай I, взвесив все обстоятельства, согласился начать переговоры на условиях, выдвинутых противниками. Это решение России явилось неожиданностью для государств Запада, стремившихся к продолжению войны.

Союзники сосредоточили свои усилия на подготовке к захвату Крыма. Здесь, казалось, легче было закрепиться, отсюда недалеко до Проливов. Основной удар решено было нанести по Севастополю - главной крепости Крыма. Сюда были стянуты английские, французские, турецкие и сардинские войска. Их общая численность превышала 170 тыс. Несмотря на огромное превосходство сил противника, осада и оборона Севастополя продолжалась 11 месяцев, с октября 1854 г. по сентябрь 1855 г., что вызвало беспокойство прежде всего английского правительства за состояние армии в Крыму.

Падение города предопределило итог войны. Однако союзники, оставив под стенами Севастополя более 100 тыс. чел., не решились продолжать сражение с перешедшей на северную сторону крепости российской армией. Большие потери, понесенные в Крыму, осложнили отношения в союзном лагере. Лондон предлагал продолжать войну на Кавказском направлении; об этом просили и турки. Париж не хотел жертвовать своими солдатами ради интересов английской короны. Во Франции полагали, что главная задача союзников по ослаблению позиций России в Черноморье и укреплению влияния западноевропейских государств решена их победой в Крыму. Взятие русскими войсками Карса доказало боеспособность России. Париж настаивал на созыве конгресса.

Николай I только в ходе войны осознал ошибки своего стратегического плана, ориентированного прежде всего на войну с Турцией или, в крайнем случае, с Францией. При таком соотношении сил император был уверен в победе России. Начиная войну, он рассчитывал если не на поддержку, то на нейтралитет Англии, памятуя о русско-английских устных договоренностях 1844 г. Ведущая роль Англии в антирусском блоке была для царя большой неожиданностью.

Столкновение России с европейскими странами наглядно показало ее экономическую слабость, техническую отсталость, приверженность части командования старым методам ведения войны.

М.Н. Погодин, приветствовавший начало Крымской войны, к ее концу начал критиковать политику правительства и его отсталость от достижений Европы: *"Теперь надо вдруг приниматься за все: за дороги - железные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты, за кадетские корпуса... Все внутренние дела давно пришли в страшный упадок... правда вышла из употребления как ненужная ассигнация"* [100].

Поражение в войне было тяжелым ударом для императора, армии, общества. *"В публике, - замечала Тютчева, - один общий крик негодования против правительства"* [101]. Те же мысли высказывал историк С.М. Соловьев: *"Приходилось расплачиваться за тридцатилетнюю ложь, тридцатилетнее давление всего живого, духовного, подавление народных сил, превращение русских людей в полки"* [102].

Николай I внимательно следил за получаемыми тревожными сообщениями из Крыма, был небрежен к своему здоровью, ходил в легком пальто, хотя в Петербурге было холодно и распространилась эпидемия гриппа. Он заболел; простуда перешла в воспаление легких; состояние ухудшалось; 18 февраля 1855 г. император умер. Его последние слова были обращены к наследнику, будущему императору Александру II: *"Служи России!"* [103]. Он просил сына выразить благодарность за верную службу гвардии, армии, флоту и особенно защитникам Севастополя.

Душевное состояние москвичей в связи со смертью Николая I правдиво передала в дневниковой записи славянофильски настроенная В.С. Аксакова: *"Все говорят о государе Николае Павловиче не только без раздражения, но даже с участием, желая извинить его во многом - но между тем все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать, вдруг возродились небывалые надежды... Его жалеют как человека... но несмотря на все сожаление, никто, если спросить себя откровенно, не пожелал бы, чтобы он воскрес"* [104].

Таков печальный итог деятельности императора Николая I, стремившегося *"все делать самому"*, любой ценой сохранять *"стабильность и порядок"* внутри страны и за ее пределами, прибегая, если это необходимо, к военной силе. Он был убежден, *"что все идет от государя, все зависит от него"*. Эта уверенность определяла и его исключительную ответственность за судьбу России, и его боязнь крупных перемен в стране, которые, на его взгляд, могли привести к потрясениям.

Однако личность и политика Николая I не укладываются в привычное понятие *"самодовольная посредственность с кругозором ротного командира"*. Император был достаточно образован, неплохо знал русскую и западную живопись, но был, по словам искусствоведа Н.Н. Врангеля, категоричен, как и во всем, в оценках школ и художников [105].

При решительности и жесткости суждений Николай I, особенно в первые годы своего правления, шел на компромиссы, чувствовал время. Реформа государственных крестьян, явившаяся в известной степени прообразом отмены крепостного права, небезуспешные усилия по развитию отечественной промышленности и техническому образованию, попытки экономического освобождения от иностранной зависимости страны, размышления по управлению ее азиатскими окраинами подтверждают эту мысль. Революция, воспринимавшаяся Николаем I как свидетельство неблагополучия государства, вызывала у него открытое неприятие. В ней он видел силу, разрушавшую порядок в обществе, к которому он стремился. Вместе с тем Николай I был доверчив. Слово, данное правителем, считалось им равным делу. Так, отвергая конституционный строй, отозвав в ходе греческой революции 1843 г. российского посланника из Афин, Николай I был убежден, что греческий король не может нарушить данное своим "неверным подданным" слово о введении конституции. Развивая свою мысль, царь заметил: *"Королевское обещание никогда не может быть дано зря, неважно, какими средствами оно получено"* [106]. Эта верность слову как черта характера императора при уверенности в правоте своих действий наряду с другими факторами многое объясняет в отношении Николая I к Англии. Последняя в глазах царя олицетворяла стабильность и могущество - качества, которые особенно ценил император.

Крымская война не внесла больших перемен в жизнь победителей. Они не были удовлетворены результатами войны. Английские ученые и политические деятели оценивали войну как самую ненужную войну середины XIX в. [107] Иное дело Россия. Назначение Крымской войны в плане европейской политики для России, по словам М.Н.

Погодина, состояло в отказе от союза с Австрией и Пруссией, внутри страны - во введении свобод, в совершенствовании человека [108].

Для России Крымская война явилась мощным стимулом для глубоких преобразований в государстве. Начиналась эпоха великих реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров В.А.* Александр I. - Вопросы истории, 1990, № 1; *Капустина Т.А.* Николай I. - Вопросы истории, 1993, № 11-12; Российские самодержцы. 1801-1917. М., 1993; *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998.
2. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990, с. 34-35.
3. *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и начало царствования, т. I. СПб., 1903, с. 16.
4. *Корф М.А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Сборник Русского Императорского Исторического общества (далее - РИО), т. 98. СПб., 1896, с. 51.
5. *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза, т. I. Рига, 1886, с. 8-16.
6. *Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 21.
7. Завещание Николая I сыну. - Красный архив, 1923. № 3, с. 292.
8. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составитель *Ф.Ф. Мартенс*, т. II. СПб., 1895, с. 334.
9. *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 137-138.
10. Собрание трактатов....с. 341-343.
11. *Metternich K.* Memoires. documents et ecrits divers, t. 4. Paris, 1881. p. 604,
12. Подробнее см.: *Prokesch- Osten A.* Geschichle des Abfalles der Griechen vom Turkischen Reiche in Jahre 1821 iind der Grundung des hellenischen Konigreiches, Bd. 3. Wieii, 1867; *Шниро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М.. 1972.
13. *Prokesch- Osten A.* Op. cit., Bd. 5. Wien, 1867, s. 124-125; *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963, с. 128; *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829. М., 1975, с. 20.
14. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВ ПРИ), ф. Отчеты МИД, 1828 г., л. 32.
15. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 6, ч. 2. Тифлис, 1876, с. 362.
16. *Шеремет В.И.* Указ. соч., с. 26.
17. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978, с. 94.
18. Letters et papiers du Chancelier comte de Nesselrode, t. VII. Paris, 1907, p. 42.
19. Собрание трактатов..., т. 4, ч. I. СПб., 1878, с. 339-340.
20. *Шеремет В.И.* Указ. соч., с. 117. Подробнее о политике России на Балканах см.: Международные отношения на Балканах 1830-1856. М.,1990. гл. 1.

21. См. в частности: *Шильдер Н.К.* Адрианопольский мир 1829 г. Из переписки графа Дибича. СПб., 1879 (в книге излагается ход переговоров, проходивших на грани срыва); *Фадеев Л.Н.* Россия и посточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 337-339; *Киняпина Н.С.* Указ. соч., с. 148-150; *Шеремет В.И.* Указ. соч., с. I 18-129; Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 90-95; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995, с. 236-238.

22. Цит. по: *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. с. 71-84.

23. *Anderson M.* Russia and the Eastern Question. Europe's Balance of Power 1815-1848. London, 1979, p. 86; *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях в 30 [160-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992, с. 8.

24. АВПРИ. ф. Канцелярия, 1829 г., оп. 470, д. 7008. л. 191.

25. РИО.т. 1:32. СПб., 1911, с. 36.

26. Там же.

27. *Metternich K.* Op. cit., t. 5. Paris, 1882, p. 23.

28. *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925, с. 194.

29. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1830 г., оп. 470, д. 39, л. 103.

30. РИО, т. 132, с. 156.

31. *Metternich K.* Op. cit, t. 5. p. 77.

32. АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1830 г., л. 162.

33. *Аспидов Ф.* "За вашу и нашу свободу". - Родина, 1994, № 12, с. 76.

34. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1831 г., он. 470, д. 277, л. 241.

35. Подробнее см.: *Тодорова М.Н.* Англия, Россия и Танзимат. М., 1983; *Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа: вторая треть XIX в. М., 1986.

36. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1832 г., оп. 470, д. 49, л. 630.

37. *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869, с. 12.

38. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1833 г., оп. 470, д. 45. л. 286.

39. *Bailey F.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942, p. 35.

40. *Testa S.* Recueil des traites de la Porte Ottomane avec les puissances etrangeres, t. II, Paris. 1874, p. 268.

41. АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1833 г., л. 27.

42. *Муравьев Н.Н.* Указ. соч., с. 274-275; АВПРИ, ф. Канцелярия. 1833 i-., он. 470. д. 51, л. 174.

43. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. 5. Приложение. СПб., 1896, с. 164-165.

44. *Ancel V.* Manuel historique de la question d'Orient. Paris, 1926. p. I 12; *Leslie R.* The Age ofTransformation. London, 1961. p. 203.

45. *Киняпина Н.С.* Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. - Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1958. № 2; АВПРИ, ф. Канцелярия. 1833 г., оп. 470. д. 196. л. 468.

46. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1833г..оп.470, д.51, л. 190.
47. *Юзефович Т.* Указ. соч., с. 89-93.
48. Подробнее см. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России..., с. 193-195.
49. *Покровский Н.М.* Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1923.
50. АВПРИ.ф. Канцелярия, 1833 г., оп. 470, д. 48, л. 414,
51. Подробнее об этом см.: *Дегоев В.В.* Указ. соч., раздел 1; *Бушуев С.К.* Англо-русский инцидент со шхуной "Виксен". - Красный архив. 1940, № 5.
52. *Киняпина Н.С.* Мюнхенгречские и Берлинские конвенции 1833 г. - Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1960, № I. с. 76.
53. Соглашение о праве интервенции, выработанное в Шведте, было положено в основу Берлинской конвенции, подписанной представителями трех держав в октябре 1833 г.
54. АВПРИ.ф. Канцелярия. 1833 г., оп. 470, д. 24. л. 227-230.
55. Собрание трактатов..., т. 4, ч. I, с. 446-448.
56. В литературе существуют и иные оценки русско-австрийских соглашений, подписанных в Мюнхен греце: как отказ России от русско-турецкого договора в Ункяр-Искелеси. См.: Тодорова М.Н. Указ. соч. с. 102-103.
57. Собрание трактатов..., т. 4. ч. I, с. 454-457.
58. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1833 г., оп. 470, д. 30, л. 295-296.
59. Там же, л. 70.
60. Schiemann T. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Bd. III. Berlin, 1913. S. 256.
61. Завещание Николая I сыну, с. 292-293.
62. О планах по разделу польских земель см.: *Шильдер Н.К.* Указ. соч.. т. 2. СПб., 1903, с. 582-584: История внешней политики России. Первая половина XIX в., с. 297.
63. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 217, таблица.
64. *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 - начале 40-х годов XIX в. М., 1975, с. 90-94.
65. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ), ф. Канцелярия, 1840 г., оп. 470, д. 102, л. 217.
66. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составитель *Ф.Ф. Мартенс*, т. 12. СПб., 1898, с. 130-144.
67. *Георгиев В.А.* Указ. соч., с. 159-161.
68. Собрание трактатов..., т. 12, с. 155-159.
69. В литературе есть и иные оценки лондонских конвенций. Так английский историк М. Андерсон полагает, что соглашение 1841 г. дало России более надежную гарантию от нападения на ее южные границы, чем какое-либо другое двустороннее соглашение. - *Anderson M.* Russia and the Eastern Question.

Europe's Balance of Power 1815-1848. London, 1979, p. 96-97. Фактически взгляд М. Андерсона на лондонские конвенции 1840-1841 гг. разделяют и авторы коллективной монографии "История внешней политики России. Первая половина XIX в." (М., 1995, с. 333-334).

70. *Татищев С.С.* Визит Николая I в Лондон в 1844 г. - Исторический вестник, 1885, т. 23, с. 320-321.

71. The Letters of Queen Victoria, v. 2. London, 1947, p. 14.

72. АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1844 г., л. 10.

73. *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. London-New York, 1936. p. 226; *Тарле Е.В.* Крымская война, т. 1. М.-Л., 1950, с. 102-105; *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963, с. 226.

74. *Тарле Е.В.* Указ. соч., т. I, с. 104.

75. Цит. по: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1. СПб., 1908. Приложения, док. № 18, с. 132.

76. *Там же*, с. 133.

77. *Там же*, с. 134.

78. *Там же*.

79. Красный архив, 1938, №4-5, с. 161. Публикация и вступительная статья *Р. Авербух*.

80. *Там же*, с. 169-170.

81. Русская старина, 1904, апрель, с. 50-51.

82. Собрание трактатов..., т. 12, с. 245-246.

83. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. 1848-1849. СПб., 1899, с. 213.

84. Там же, т. 6, с. 284.

85. Записки русского научного института в Белграде, вып. I 1. Белград, 1934, с. 52.

86. Документальная история образования многонационального государства российского. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. М., 1998, с. 481. См. также: *Берজে В.П.* Император Николай на Кавказе в 1837 г. - Русская старина, 1884, т. XIII, кн. 8; *Дегоев В.В.* Кавказ в системе международных отношений 30-60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992.

87. См.: Православный палестинский сборник. СПб., 1881, с. 40-42.

88. *Щербатов А.П.* Указ. соч., т. 7. СПб., 1904, с. 40-41.

89. *Temperley H.* Op. cit.. p. 275; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы, т. 2. М., 1940, с. 93-94; *Тарле Е.В.* Указ. соч., т. I. с. 144-146; *Киняпина Н.С.* Указ. соч., с. 241-242.

90. *Зайончковский А.М.* Указ. соч., т. 1. приложения, док. 99, с. 359-362.

91. *Щербатов А.П.* Указ. соч., т. 7, с. 43.

92. *Там же*, т. 7, с. 40.

93. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории, т. 5. М., 1937, с. 94; *Osterreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs*, Bd. 3. Munchen - Wien, 1979, S. 7-8; *Дегоев В.В.* Указ. соч., с. 80.
94. *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и начало царствования, т. 2. СПб., 1903, с. 642-644.
95. *Там же*, с. 643-644.
96. Известно, что канцлер был сторонником мирного разрешения конфликта о "святых местах", о чем свидетельствует его "Записка", переданная Меншикову, см.: *Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа: вторая треть XIX в. М., 1986, с. 161-162.
97. *Шильдер Н.К.* Указ. соч., т. 2, с. 644.
98. *Там же*, с. 645.
99. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990, с. 78.
100. *Погодин М.Н.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874, с. 356, 314.
101. *Тютчева А.Ф.* Указ. соч., с. 72.
102. *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983, с. 333.
103. Жизнь императоров и их фаворитов. М., 1992, с. 583.
104. *Аксакова В.С.* Дневник. СПб., 1913, с. 66.
105. *Врангель Н.Н.* Николай I и искусство. - Старые годы, 1913, июль-сентябрь.
106. Международные отношения на Балканах 1830-1856 гг. М., 1990, с. 110.
107. *Виноградов В.Н.* Головокружение без успеха. - Родина, 1995, № 3-4, с. 12.
108. *Погодин М.Н.* Указ.соч., с. 337.